

ОБЗОР ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПРАКТИКИ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА 2022 года

За 2022 год Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга рассмотрел 172 дисциплинарных производств в отношении адвокатов. В результате было объявлено 95 замечаний и 21 предупреждение, статус 32 адвокатов прекращен, остальные дисциплинарные производства прекращены (24).

За 2022 год ни один из адвокатов не лишился статуса на максимальный срок, однако год стал самым массовым из последних по решениям о прекращении статуса за долги по ежемесячным отчислениям на нужды палаты – на этом основании 25 адвокатов больше таковыми не являются, при этом напомним, что в год коронавирусной пандемии решения об отчислении за долги не принимались; 5 адвокатов лишились статуса из-за несоблюдения процедуры перехода из одной палаты в другую; 2 – из-за некорректных писем в Палату.

В обзор также вошли решения, принятые по жалобам судей на неявку адвокатов в судебные заседания, по жалобам следователей, направленным через Главное управление Минюста России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области; решения об обмене документами между адвокатами и их подзащитными в следственных изоляторах и передаче записки о побеге; решения по жалобам доверителей адвокатов, в том числе о навязывании помощи доверителю; решения по жалобам адвокатов на адвокатов: назначение/соглашение.

НЕУВАЖИТЕЛЬНЫЕ ПИСЬМА В ПАЛАТУ И ПРЕКРАЩЕНИЕ СТАТУСА

Адвокат Д. направил в палату письмо, которое ему стоило статуса.

В 2021 году Совет АП СПб установил факты ненадлежащего профессионального поведения адвоката Д. при осуществлении защиты по назначению, но не привлек его к дисциплинарной ответственности из-за истекшего срока привлечения. При этом Совет направил свое решение в Комиссию по организации работы и участию адвокатов в качестве защитников и представителей в судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия и суда (далее – Комиссия по назначению), которая пригласила адвоката Д. на заседание.

В ответ на приглашение адвокат Д. по электронной почте направил в Комиссию письмо следующего содержания: *«Здравствуйте! Прочитал ваше письмо только сейчас, но в силу чрезмерной занятости все равно не смог бы явиться в назначенное время и место, да и смысла в этом не вижу никакого, вы (квалификационная комиссия, Совет адвокатской палаты) не признаете ведь никогда свою ошибку, и свое трусливое решение, и тем более не извинитесь за свое решение»* (орфография и пунктуация сохранены).

Это письмо стало поводом для вынесения представления вице-президентом, поскольку содержание и форма письма свидетельствовали о неуважении к товарищам по профессии и органам адвокатского самоуправления, нарушали нормы законодательства об адвокатуре.

На этот раз срок привлечения к дисциплинарной ответственности не истек, Квалифкомиссия заключила, что адвокатом Д. нарушены п. 1 ст. 4, подп. 2 ст. 8, п. 5 ст. 9 КПЭА.

В соответствии с ч. 1 ст. 29 Конституции РФ, каждому гарантирована свобода мысли и слова. В то же время данное положение не даёт адвокату права выражать своё мнение в некорректной, неприличной форме, допуская выражения, которые умаляют авторитет адвокатского сообщества, в том числе органов адвокатского самоуправления.

Согласно Преамбуле Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА, Кодекс), существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без соблюдения корпоративной дисциплины и адвокатской этики, заботы адвокатов о своих

чести и достоинстве, а также авторитете адвокатуры. Эти положения также закреплены и в п.п. 1 и 2 ст. 15 КПЭА.

За свое неуважительное письмо адвокат Д. был лишен статуса со сроком дисквалификации на 2 года.

В похожей ситуации оказался адвокат К., который в ходе ведущегося в отношении него дисциплинарного производств направил в Палату объяснения с уничижительными высказываниями и угрозами в адрес коллег.

Высказывания адвоката проверила Комиссия по этике и стандартам и единодушно решила, что это состав еще одного дисциплинарного проступка.

Содержание объяснений адвоката К., адресованных в АП СПб, демонстрировало, помимо правовой безграмотности, ещё и полное игнорирование фундаментальных нравственных и этических принципов профессии адвоката, а развязность и оскорбительность тона его объяснений свидетельствовало о его неуважении к товарищам по профессии и органам адвокатского самоуправления как Палаты Петербурга, так и Палаты другого региона, о президенте которой адвокат К. так же упомянул в недопустимом виде. Наиболее ярко представления адвоката К. о человеческих и профессиональных чести и достоинстве проявились именно в его пояснениях от на имя президента Адвокатской палаты другого субъекта РФ.

В этих объяснениях адвокат К. перешёл к шантажу и угрозам, требуя от президента отозвать его абсолютно законное и справедливое обращение в Адвокатскую палату СПб, угрожая, в случае неисполнение его требования, обратиться в ФСБ.

Квалифкомиссия заключила, что адвокат К. нарушил п. 1 ст. 4, п. 2 ст. 8, п. 1 ст. 15, подп. 1 п. 2 ст. 15 КПЭА.

Адвокат К. объяснил свое поведение предыдущим «хамским» отношением к нему со стороны президента Адвокатской палаты другого региона, сослался на свою длительную и безупречную трудовую деятельность, большой адвокатский стаж.

Статус адвоката прекращен, срок дисквалификации – 2 года.

ИЗМЕНЕНИЕ ЧЛЕНСТВА – ПРЕКРАЩЕНИЕ СТАТУСА

Пять адвокатов в 2022 году лишились своего статуса после проверки Главного управления Минюста РФ по СПб и ЛО в соответствии с поручением Минюста России от 23.03.2022 о проверке наличия сведений о членстве адвокатов во ФГИС «Учет адвокатов и адвокатов иностранных государств, осуществляющих адвокатскую деятельность на территории РФ», которая является открытым источником информации о статусе адвоката.

Адвокаты приняли решение об изменении членства в адвокатской палате одного субъекта РФ на членство в адвокатской палате другого субъекта РФ, однако прекратив членство в АП СПб, членами другой Палаты так и не стали, в связи с чем были привлечены к дисциплинарной ответственности.

Приводим решение в отношении одного из них.

Адвокат С. по его личному заявлению был исключен 07.12.2015 из членов АП СПб и намеревался изменить членство на адвокатскую палату другого региона. 24.12.2015 сведения о нем исключены из реестра адвокатов Санкт-Петербурга. При этом проверка в 2022 году показала, что после 2015 года другие сведения о нем не вносились ни в один реестр адвокатов.

Адвокат С. объяснил ситуацию семейными обстоятельствами, из-за которых он не переехал в другой субъект и не стал членом другой палаты. Он сослался на решение Совета ФПА РФ от 08.06.2022 (протокол № 13), которым утверждено Разъяснение Совета ФПА РФ «О статусе адвоката, не завершившего процедуру изменения членства в адвокатской палате

субъекта РФ». До этого времени механизма разрешения указанной ситуации не существовало, хотя он неоднократно пытался выяснить возможные варианты разрешения ситуации. При очередном обращении в АП СПб в 2018 году, по мнению С., ему была выдана справка о прекращении адвокатской деятельности с конца 2015 (в материалах дисциплинарного производства имеется справка об исключении сведений из реестра адвокатов Санкт-Петербурга 24.12.2015).

ФПА разъяснила, что в случае, если адвокат, направивший уведомление об изменении членства, принимает решение о прекращении либо приостановлении статуса, он обращается с заявлением в совет адвокатской палаты, членом которой являлся. С конца 2015 С. не осуществляет адвокатскую деятельность и с этого времени попросил прекратить статус.

Квалифкомиссия заключила, что адвокатом С. нарушены следующие положения: п. 5 ст. 15, п. 7 ст. 35 Закона об адвокатуре, п. 6 ст. 15 КПА, п. 5 Порядка изменения адвокатом членства в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации на членство в адвокатской палате другого субъекта Российской Федерации и урегулировании некоторых вопросов реализации адвокатом права на осуществление адвокатской деятельности на территории Российской Федерации, утвержденного Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 02.04.2010¹

Совет дополнительно обратил внимание на следующее.

В соответствии с п. 4 ст. 15 Закона об адвокатуре адвокат может одновременно являться членом адвокатской палаты только одного субъекта РФ, сведения о нем вносятся только в один региональный реестр.

Пунктом 6 ст. 15 Закона об адвокатуре установлено, что адвокат после изменения им членства в адвокатской палате обязан уведомить совет адвокатской палаты, членом которой он стал, об избранной им форме адвокатского образования в трехмесячный срок со дня внесения сведений о нем в региональный реестр в связи с изменением членства.

Как указано в п. 8 ст. 15 Закона об адвокатуре, порядок изменения адвокатом членства в адвокатской палате одного субъекта РФ на членство в адвокатской палате другого субъекта РФ определяется советом ФПА.

Согласно Порядку изменения адвокатом членства:

- «Статус адвоката и членство в адвокатской палате являются непрерывными, за исключением случаев, предусмотренных законом» (абз. 1 п. 1);
- «Изменение членства в адвокатской палате представляет собой единую процедуру, которая инициируется направляемым адвокатом уведомлением и завершается вынесением решения совета о принятии в члены адвокатской палаты по месту регистрации» (абз. 2 п. 2);
- «До вынесения советом соответствующей адвокатской палаты решения о приеме в члены палаты адвокат обязан информировать совет адвокатской палаты по прежнему месту регистрации по вопросам, связанным с завершением адвокатской деятельности на территории субъекта РФ, в том числе об отсутствии либо исполнении обязательств перед доверителями, и несет перед этой палатой ответственность за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей» (п. 3);
- «Адвокат в месячный срок со дня исключения сведений о нем из регионального реестра адвокатов обязан заказным письмом либо личным заявлением уведомить об этом совет адвокатской палаты субъекта РФ, членом которой он намерен стать.

К уведомлению о принятии в члены адвокатской палаты адвокат прилагает выданную уполномоченным органом справку, подтверждающую статус адвоката, надлежащим образом заверенный документ, подтверждающий изменение регистрации по месту

¹ Размещён на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (<https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/order/>); далее – Порядок изменения адвокатом членства.

жительства, а также иные документы, предусмотренные правилами адвокатской палаты, в которую подается уведомление. Совет палаты, рассматривающий уведомление об изменении членства, вправе запросить в адвокатской палате, членом которой адвокат являлся, копии материалов его личного дела. Копия решения о принятии в члены адвокатской палаты направляется в адвокатскую палату, членом которой адвокат ранее являлся. В случае, если адвокат осуществлял адвокатскую деятельность в адвокатском кабинете, указанное решение является основанием для исключения сведений об адвокатском кабинете из реестра адвокатских образований» (п. 5).

В силу положений Закона об адвокатуре, решения ФПА РФ и ее органов, принятые в пределах их компетенции, обязательны для всех адвокатских палат и адвокатов (п. 7 ст. 35).

Адвокат обязан исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта РФ, ФПА РФ, принятые в пределах их компетенции (подп. 4 п. 1 ст. 7).

Кроме этого, ситуация регулируется Разъяснениями Совета ФПА РФ «О статусе адвоката, не завершившего процедуру изменения членства в адвокатской палате субъекта РФ», утверждённым Решением Совета ФПА РФ от 08.06.2022 (протокол № 13)².

Учитывая важность содержащихся в указанном разъяснении выводов для правильного разрешения дисциплинарного производства, Совет АП СПб воспроизвел его в полном объёме.

«1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» адвокат, принявший решение об изменении членства в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации на членство в адвокатской палате другого субъекта Российской Федерации, уведомляет об этом совет адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой он является.

В соответствии с абз. 3 п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат в месячный срок со дня исключения сведений о нем из регионального реестра обязан уведомить об этом совет адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой он намерен стать.

Неисполнение указанной обязанности, а также нарушение срока направления уведомления могут являться основанием привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности в соответствии с процедурами дисциплинарного производства.

Направление уведомления об изменении членства не свидетельствует о прекращении либо приостановлении статуса адвоката.

Основания и порядок прекращения статуса адвоката определены ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», приостановления статуса адвоката – ст. 16 указанного закона. В действующем законодательстве изменение членства не определено в качестве основания прекращения либо приостановления статуса адвоката.

2. В соответствии с п. 8 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» Советом ФПА РФ определяется порядок изменения адвокатом членства в адвокатской палате одного субъекта РФ на членство в адвокатской палате другого субъекта РФ.

Решением Совета ФПА РФ от 2 апреля 2010 г. (протокол № 4), с дополнениями от 30 ноября 2010 г. (протокол № 7), с изменениями от 16 февраля 2018 г. (протокол № 1), с изменениями от 21 марта 2018 г. (протокол № 2), с изменениями от 14 февраля 2020 г. утвержден Порядок изменения адвокатом членства в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации на членство в адвокатской палате другого субъекта Российской Федерации и урегулирования некоторых вопросов реализации адвокатом права на осуществление адвокатской деятельности на территории Российской Федерации (далее – Порядок).

² Размещён на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (<https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/razyasnenie-soveta-federalnoy-palaty-advokatov-rf>); далее – Разъяснения Совета ФПА РФ «О статусе адвоката, не завершившего процедуру изменения членства».

В соответствии с абз. 2 п. 2 Порядка изменение членства в адвокатской палате представляет собой единую процедуру, которая иницируется направляемым адвокатом уведомлением и завершается вынесением решения о принятии в члены адвокатской палаты субъекта РФ по месту регистрации.

В период после направления уведомления об изменении членства в адвокатской палате статус адвоката, полномочия и обязанности у лица, направившего уведомление, сохраняются в полном объеме.

3. В период изменения членства адвокатская палата, членом которой являлся адвокат, направивший уведомление, сохраняет в отношении него предусмотренные законом организационные и контрольные полномочия, *в том числе осуществляет контроль за соблюдением адвокатом требований абз. 3 п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» об уведомлении в месячный срок совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой он намерен стать. В случае отсутствия такого уведомления адвокатская палата, членом которой являлся адвокат, обязана рассмотреть вопрос о наличии оснований для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности в соответствии с процедурами дисциплинарного производства.*

В соответствии с п. 3 Порядка до вынесения советом соответствующей адвокатской палаты решения о приеме в члены палаты адвокат обязан информировать совет адвокатской палаты по прежнему месту регистрации по вопросам, связанным с завершением адвокатской деятельности на территории субъекта РФ, в том числе об отсутствии либо исполнении обязательств перед доверителями, и несет перед этой палатой ответственность за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей.

В случае, если адвокат, направивший уведомление об изменении членства, принимает решение о прекращении либо приостановлении статуса адвоката, он обращается с соответствующим заявлением в совет адвокатской палаты, членом которой являлся».

Совет решил, что то обстоятельство, что указанное разъяснение принято Советом ФПА РФ 08.06.2022, не свидетельствует о невозможности применения содержащихся в нём выводов для разрешения дисциплинарного производства в отношении адвоката С.

Во-первых, указанное разъяснение каких-либо новых обязанностей для адвокатов не устанавливает – они были установлены ранее в упомянутых выше нормативно-правовых актах; разъяснение лишь способствует правильному и единообразному применению соответствующих норм и устраняет возможные противоречия в их толковании.

Во-вторых, допущенное адвокатом нарушение носит длящийся характер, поскольку лежащая на нём соответствующая обязанность до настоящего времени адвокатом не исполнена.

По этим причинам Совет отклонил довод адвоката С., что до издания упомянутых разъяснений «механизма разрешения вышеуказанной ситуации не существовало».

В случае, если переезд в другой субъект не был осуществлён по каким-либо причинам, адвокат С. обязан был проинформировать об этом Совет АП СПб и восстановить своё членство в АП СПб.

Поскольку членом адвокатской палаты иного субъекта РФ адвокат С. с 07.12.2015 до момента разбирательства не стал, дисциплинарное производство подлежало рассмотрению дисциплинарными органами АП СПб.

Совет АП СПб признал опровергнутой презумпцию добросовестности адвоката С. в указанной части дисциплинарных обвинений, а его вину в совершении дисциплинарного проступка – установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 КПЭА меру дисциплинарной ответственности адвокату С. за допущенное нарушение, Совет АП СПб признал его тяжким, поскольку осуществление адвокатом адвокатской деятельности без членства в адвокатской палате противоречит принципам функционирования адвокатуры как независимой самоуправляемой корпорации, основанной на членстве; препятствует

осуществлению контроля за деятельностью адвоката как со стороны адвокатской палаты, так и со стороны государственных органов; создаёт условия для уклонения адвоката от обязательных для него корпоративных и общегосударственных платежей (налогов и взносов). Такое поведение свидетельствует об очевидном пренебрежении адвокатом требованиями законодательства, регулирующего адвокатскую деятельность, а также решений, принятых органами адвокатского самоуправления в пределах их компетенции, а также о длительной утрате адвокатом связи с адвокатским сообществом.

Также Совет АП СПб учел умышленный характер допущенного нарушения и его продолжительность.

Адвокат С. продемонстрировал явное пренебрежение ко всему адвокатскому сообществу, его нравственным критериям и традициям; такое отношение к исполнению профессиональных обязанностей, возложенных на адвоката Законом об адвокатуре, КПЭА и решениями ФПА является недопустимым и несовместимым со статусом адвоката.

Было принято во внимание отсутствие у адвоката С. действующих дисциплинарных взысканий, но это обстоятельство не признано оказывающим существенное влияние на тяжесть совершённого проступка.

Адвокат С. был лишен статуса, снова к экзамену С. может быть допущен не ранее, чем через 2 года.

Что касается просьбы адвоката С. о прекращении его статуса 2015 года, то Совет АП СПб решил, что она не может быть удовлетворена, поскольку, в силу положений абз. 2 п. 2 ст. 19 КПЭА, при наличии дисциплинарного производства в отношении адвоката его заявление о прекращении или приостановлении статуса либо об изменении им членства в адвокатской палате может рассматриваться по окончании дисциплинарного производства.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

На адвоката Ч. подала жалобу ее доверительница. Заключив соглашение с последней летом 2019 года, адвокат Ч. обязалась подать иск в Красносельский районный суд Санкт-Петербурга о взыскании денежных средств по договорам займа и представлять интересы в судебном разбирательстве. 60 000 рублей были уплачены адвокату в качестве гонорара.

Доверительница неоднократно просила адвоката подтвердить выполнение обязательств, предоставить доказательства подачи искового заявления, но адвокат под различными предлогами затягивала обращение в суд.

Доверительница считала, что адвокат своих обязательств по соглашению не выполнила, не направив исковое заявление в суд, поэтому была вынуждена обратиться за помощью к другому юристу. Юрист подал иск, который был удовлетворён.

Доверительница уверена, что адвокат Ч. проявила халатность к выполнению своих обязательств, чем нарушила требования КПЭА.

Также доверительница была вынуждена обратиться в суд с иском к адвокату Ч. о расторжении соглашения и взыскании 60 000 рублей, который был удовлетворен.

Адвокат Ч. утверждала, что составила проект искового заявления, постоянно взаимодействовала с представителем ответчика, готовила проект мирового соглашения. Она также утверждала, что направила документы в суд, но из-за начала пандемии материалы в суде потеряли, после чего документы подавались в суд несколько раз повторно.

В ходе рассмотрения дела было установлено, что исковое заявление поступило в суд спустя год и три месяца со дня заключения соглашения, при этом адвокат Ч. участия в рассмотрении иска не принимала.

Иск о взыскании с адвоката уплаченного гонорара действительно удовлетворен, а решение не было обжаловано, как намеревалась адвокат, суд в решении указал, что адвокат обязательств по соглашению не исполнила, процессуальных документов не подготовила, исковое заявление не подала, доказательств надлежащего исполнения обязательств по соглашению не представила, а на досудебное требование о расторжении соглашения и возврате неотработанного аванса не ответила.

При квалификации бездействия адвоката органы адвокатской палаты сослались на положения подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре, а также п. 1 ст. 4 и п. 1 ст. 8 КПЭА.

Поскольку отношения между доверительницей и адвокатом Ч. являлись длящимися и соглашение было расторгнуто решением суда только в 2022 году, положения ч. 5 ст. 18 КПЭА о сроках применения мер дисциплинарной ответственности не могут быть отнесены к дате заключения соглашения и в данном случае не применимы.

При этом Совет посчитал квалификацию содеянного по п. 1 ст. 4 КПЭА избыточной, поскольку из заключения Квалифкомиссии нельзя было сделать однозначный вывод, в чём (в каких действиях или бездействии) выразилось нарушение адвокатом соответствующих этических предписаний, что привело к утрате чести и достоинства, присущих профессии адвоката.

Между тем конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту.

Неконкретность заключения Квалифкомиссии в этой части не позволило Совету АП СПб вменить соответствующее нарушение в вину адвокату.

Большинством голосов адвокату вынесено предупреждение.

ОБМЕНЯЛИСЬ ЖАЛОБАМИ

Адвокаты по соглашению и назначению подали жалобы друг на друга, но только одному из трех было вынесено предупреждение.

Адвокаты К. и С. были защитниками обвиняемого З. по соглашению. При очередном посещении подзащитного З. в СИЗО-1 адвокат К. узнал, что следователь объявил ему об окончании предварительного расследования, после чего началось ознакомление доверителя с материалами дела. Как стало известно из протокола об окончании следственных действий, интересы З. представлял адвокат Ц., которого следователь назначил в порядке статьи 50 УПК РФ. Оба адвоката по соглашению не были уведомлены об окончании следственных действий, а в дни, когда адвокат Ц. принимал участие в деле, ни следователь, ни сам адвокат не звонили адвокатам по соглашению, чтобы удостовериться в невозможности их явки, тем более что в один из дней адвокат К. не был занят и имел возможность участвовать.

К. считает, что поскольку дата окончания следственных действий и начала ознакомления с материалами уголовного дела была принципиально важна для дальнейшего продления подзащитному меры пресечения в виде содержания под стражей, и, учитывая несогласие З. на проведение следственных действий без защитников по соглашению, участие адвоката Ц. противоречило воле доверителя и нарушило его право на защиту.

Адвокат Ц. сообщил что принял заявку для участия в предъявлении обвинения З. и в его допросе. От З. он узнал об адвокате по соглашению, но он на следственных действиях в тот день не присутствовал. Адвокат Ц. предложил З. написать заявление об отказе от его услуг и продолжить работу с адвокатом по соглашению, но З. категорически отказался это делать и заявил только об отказе подписывать процессуальные документы.

Впоследствии Ц. стало известно, что З. защищают три адвоката по соглашению, но на «момент выезда» не было ни одного из них. Также из текста справки следователя адвокат Ц. узнал, что вот-вот истекал предельный срок содержания З. под стражей, о чём его защитники знали.

Следователь предъявил З. обвинение и допросил его в качестве обвиняемого. З. отказался от подписи документов, но не отказался от услуг адвоката по назначению. На следующий день следователь вновь вызвал Ц., и ему стало известно, что адвокаты по соглашению не явились без объяснения причин. З. снова не заявил отказа от адвоката по назначению, но также отказался подписывать документ. В Санкт-Петербургском городском суде на рассмотрение ходатайства следователя о продлении срока содержания З. под стражей адвокат Ц. впервые увидел адвокатов по соглашению К. и С., которые высказывали ему свои претензии как до начала судебного заседания, так в ходе него.

З. от адвоката Ц. отказался.

Адвокат Ц. обратил внимание, что в постановлении Санкт-Петербургского городского суда указано, что адвокаты по соглашению самоустранились от осуществления защиты З. Адвокат Ц. считает, что действия адвокатов по соглашению являются «непрофессиональными и вредоносными», умаляют авторитет адвокатуры. С их стороны имело место злоупотребление своими обязанностями по защите, а с его стороны не допущено никаких нарушений законодательства об адвокатуре.

Комиссия сделала вывод, что в действиях адвоката Ц. имелись нарушения: он вступил в уголовное дело по назначению следователя в качестве защитника З. при наличии у последнего двух защитников по соглашению. При этом в тексте постановления следователя о назначении адвоката отсутствовало заключение о злоупотреблении адвокатами по соглашению своими обязанностями в ущерб интересам подзащитного.

Адвокат Ц. не предпринял никаких мер, чтобы связаться с адвокатами К. и С. и выяснить, уведомлялись ли они о проведении следственных действий с З., а если уведомлялись, то каким образом и когда, а также по какой причине не явились. Ц. также не принял мер, чтобы позиция подзащитного о его согласии на участие адвоката по назначению в отсутствие адвокатов по соглашению была зафиксирована письменно в заявлении или в протоколе следственного действия.

Под обеспечением следователем участия защитника при предъявлении обвинения нельзя понимать лишь его назначение. **К понятию обеспечения участия защитника можно отнести (а в случае, когда у обвиняемого имеется защитник по соглашению – в первую очередь) и принятие следователем надлежащих мер к явке участвующего в деле защитника, в том числе его надлежащее и своевременное уведомление о времени и месте предъявления обвинения.**

Поскольку в приведённой норме права не содержится упоминания об иных сроках, её нельзя применять в отрыве от общей нормы, предусмотренной ч. 3 ст. 50 УПК РФ и установленного в ней срока, в течение которого участвующий в уголовном деле защитник не может принять участие в производстве конкретного процессуального действия.

Следовательно, в случае неявки адвоката по соглашению в указанную следователем дату у обвиняемого есть право пригласить иного защитника по соглашению в течение пяти дней, и только по истечении этого срока в случае неявки адвоката по соглашению следователь вправе пригласить адвоката по назначению.

Именно адвокат Ц. в силу своих профессиональных обязанностей, являясь независимым профессиональным советником по правовым вопросам, должен был помочь подзащитному зафиксировать заявление о согласии на участие адвоката по назначению при наличии адвоката по соглашению или отказ от адвоката по назначению в надлежащей процессуальной форме, либо сделать самостоятельное заявление об этом, потребовав от следователя его незамедлительного разрешения.

Важным обстоятельством, имеющим принципиальное значение для правовой оценки действий адвоката Ц., является отсутствие постановления следователя, в котором имелось бы прямое указание на допущенное злоупотребление своими процессуальными правами со стороны обвиняемого З. либо его защитников по соглашению с приведением конкретных фактических обстоятельств, свидетельствующих о дезорганизации ими хода досудебного процесса.

В тексте постановления Санкт-Петербургского городского суда действительно указано, что адвокаты по соглашению «самоустранились от защиты», но при этом отсутствует указание на злоупотребление адвокатами по соглашению своими обязанностями в ущерб интересам подзащитного. Постановление с указанием на допущенное злоупотребление своими процессуальными правами должно существовать на момент принятия адвокатом по назначению решения о вступлении в дело, а не выноситься ретроспективно.

Адвокат Ц., являясь защитником по назначению обвиняемого З. и независимым профессиональным советником по правовым вопросам, в силу своих профессиональных обязанностей был обязан:

- помочь подзащитному зафиксировать в надлежащей процессуальной форме заявление относительно участия адвоката по назначению при наличии адвокатов по соглашению либо сделать самостоятельное заявление об этом, потребовав от следователя его незамедлительного разрешения;
- ходатайствовать о внесении в протокол следственного действия заявлений обвиняемого о нарушениях закона и его прав и/или ходатайствовать иным образом об устранении нарушений прав, заявленных его доверителем.

Однако ничего этого адвокатом сделано не было.

Адвокату вынесено предупреждение.

В свою очередь адвокат Ц. подал жалобу на адвокатов К. и С.

Однако, следователь не уведомил адвокатов, осуществляющих защиту З. по соглашению, а в тексте постановления о назначении адвоката Ц. отсутствовало заключение о злоупотреблении адвокатами по соглашению своими обязанностями в ущерб интересам подзащитного.

Доказательств того, что адвокаты К. и С. нарушили свои профессиональные обязанности и действовали вопреки интересам своего доверителя, не было.

Доводы Ц. о том, что адвокаты К. и С. допустили действия, порочащие честь и достоинство статуса адвоката или умаляющие авторитет адвокатской профессии, не подтверждались.

Европейский Суд по правам человека в своих решениях неоднократно подчеркивал, что «осуществление защиты представляет собой вопрос взаимоотношений обвиняемого и защитника» (см. постановления ЕСПЧ по делам «Камасинский против Австрии», «Дауд против Португалии», «Сабиров против России»).

Иными словами, в отношении адвокатов, которые защищают обвиняемого по соглашению об оказании юридической помощи, контроль за недостатками работы адвокатов возлагается на самих обвиняемых.

Основываясь на этих позициях, Совет пришел к выводу о том, что адвокат Ц., не являющийся доверителем адвокатов К. и С., в данном деле не наделён правом выдвигать дисциплинарные обвинения в непрофессиональных и «вредоносных» для доверителя действиях. Следовательно, жалоба адвоката Ц. признана недопустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства.

ДВОЙНАЯ ЗАЩИТА

В отношении Ш. весной 2022 года было возбуждено уголовное дело. В этот же день его доставили приводом в следственный отдел. У него было заключено соглашение с адвокатом А., поэтому он заявил следователю о своем ходатайстве обеспечить участие приглашённого им адвоката. Однако следователь назначил ему защитника – адвоката Р.

Безрезультатно Ш. долгое время в присутствии адвоката по назначению пояснял следователю, что у него имеется соглашение с адвокатом А., на участии которой он настаивает и отказывается от услуг адвоката по назначению. Последнему Ш. сообщил

контакты своего адвоката и просил связаться с ней до начала следственных действий, но Р. этого не сделал.

Ш. сообщил, что в протоколе допроса следователь сформулировал его заявления и записал ответы не так, как он говорил. Он отказывался подписывать протокол. Но следователь сказал, что это может быть расценено как воспрепятствование производству по уголовному делу. Из опасения заключения под стражу он подписал протокол в том виде, в котором его составил следователь. Сам же адвокат Р. не пытался выяснить отношение подозреваемого к предъявленному подозрению, не разъяснил права, не предложил пообщаться наедине; он просто машинально подписал документы.

Адвокат Р. пояснил, что в следственном отделе выяснил у следователя суть дела, и даже что у подозреваемого якобы имеется приглашённый адвокат, с которым у него заключено соглашение. Сам Ш. подтвердил Р. информацию о наличии у него адвоката, пояснив при этом, что он не может с ним связаться. Р. пояснил Ш., что в обязанности следователя не входит обеспечение явки конкретного защитника; если подозреваемый или обвиняемый не может обеспечить явку адвоката, выбранного им самим для своей защиты, то следователь имеет право провести следственные действия с адвокатом, явку которого обеспечивает в соответствии с правилами, установленными адвокатской палатой, а если защитник его в итоге не устраивает, то он имеет право на заявление ходатайства о повторном проведении следственных действий с тем адвокатом, с которым у него заключено соглашение на защиту.

Далее Р. сообщил о позиции Ш. следователю, который пояснил, что обеспечил защиту Ш, а официальных сведений о наличии соглашения на защиту с конкретным адвокатом у него не имеется, и он начинает проведение следственных действий. Р. разъяснил Ш. положения статьи 51 Конституции РФ, а именно его право не давать показания, и что никто не может настаивать на этом. Адвокат не признал, что *«просто машинально подписывал документы, даже не читая, всячески потворствуя следователю»*.

По просьбе консультанта Квалифкомиссии адвокат по соглашению предоставила свои комментарии по жалобе доверителя Ш. и дополнения к ним. Она подтвердила наличие соглашения. В день задержания Ш. ей позвонил следователь и заявил, что она немедленно должна прибыть для проведения следственных действий. В ответ на это она указала, что для проведения неотложных следственных действий с момента возбуждения уголовного дела у неё есть 24 часа, что она находится за пределами Санкт-Петербурга, но обязуется прибыть в течение срока, установленного законом. Договорились на утро следующего дня, так как срок истекал в обед. Но следователь нарушил договоренности и нормы УПК, вызвал адвоката Р., который с А. не связывался. Адвокат А. также указала, что она отвечала на звонки доверителя Ш. и была практически всё время на связи в режиме реального времени.

Адвокат А. предоставила в виде изображения из мессенджера WhatsApp детализацию своего номера телефон и её письменное заявление в АИС «Адвокатура», отправленное по системе обратной связи до начала проведения очной ставки о желании следователя нарушить имеющиеся договоренности с приглашённым защитником и сделать вызов адвоката по назначению через АИС «Адвокатура».

Центр по обеспечению участия адвокатов в судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия и суда (далее — Центр по назначению) представил выписку из базы данных АИС «Адвокатура» по заявке, которая была распределена до поступления от адвоката А. заявления.

Квалифкомиссия посчитала нарушенными требования подпунктов 1, 2 и 4 п. 1 ст. 7 Закон об адвокатуре, а также подп. 9 п. 1 ст. 9, ст. 12 КПЭА, ч. 4 ст. 50 УПК РФ, п. 4 Рекомендаций Совета ФПА РФ «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению, утверждённых Решением Совета ФПА РФ от 28.11.2019, п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве.

Нарушение выразилось в том, что адвокат Р. по назначению следователя вступил в уголовное дело в качестве защитника подозреваемого Ш., при этом ему было достоверно

известно, что у Ш. заключено соглашение с адвокатом А., на участии которой он настаивал. Установленный ч. 4 ст. 50 УПК РФ процессуальный срок – 24 часа с момента фактического задержания для принятия решения о назначении защитника в случае неявки приглашённого защитника – к моменту вступления адвоката Р. в дело не истёк.

Кроме этого, адвокат Р., получив информацию о наличии у подозреваемого заключённого соглашения с другим адвокатом, не связался с этим защитником по телефону, хотя имел возможность это сделать; не уведомил Центр по назначению о наличии препятствия для вступления в дело; не покинул место проведения следственных действий по причине «двойной защиты».

Совет вслед за Комиссией к пояснениям адвоката Р. отнесся критически в связи со следующим.

Конституционные положения о праве подозреваемого, обвиняемого на получение квалифицированной юридической помощи и праве на помощь адвоката (защитника) конкретизированы в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации.

Регламентируя условия и порядок реализации названных прав, УПК РФ связывает их осуществление как с волеизъявлением подозреваемого (обвиняемого), по просьбе которого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем, прокурором или судом (ч. 2 ст. 50), так и с конкретными обстоятельствами, при наличии которых участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно.

Из рассматриваемых в нормативном единстве ч. 1 ст. 11 УПК РФ (предусматривающей обязанность суда, прокурора, следователя, дознавателя разъяснять обвиняемому, как и другим участникам уголовного судопроизводства, его права и обязанности, а также обеспечивать возможность их осуществления) и ч. 3 ст. 51 (возлагающей на прокурора, следователя, дознавателя и суд при наличии обстоятельств, указывающих на необходимость обязательного участия защитника в деле, если защитник не приглашён самим обвиняемым, его законным представителем либо другими лицами по поручению или с согласия обвиняемого, обеспечение участия защитника в уголовном судопроизводстве) следует, что реализация права пользоваться помощью адвоката (защитника) на той или иной стадии уголовного судопроизводства не может быть поставлена в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, т.е. от решения, не основанного на перечисленных в уголовно-процессуальном законе обстоятельствах, предусматривающих обязательное участие защитника в уголовном судопроизводстве, в том числе по назначению.

Вместе с тем в УПК РФ закреплено правило, согласно которому в случае неявки приглашённого защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь, прокурор или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа – принять меры по назначению защитника; если участвующий в уголовном деле защитник в течение 5 суток не может принять участие в производстве конкретного процессуального действия, а подозреваемый, обвиняемый не приглашает другого защитника и не ходатайствует о его назначении, то дознаватель, следователь вправе произвести данное процессуальное действие без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2 – 7 ч. 1 ст. 51 данного Кодекса (ч. 3 ст. 50) (Определение Конституционного Суда РФ от 08.02.2007 № 254-О-П).

Для оценки действий защитника по назначению в день проведения следственных действий не имеет юридического значения вопрос о том, был ли в этот день осуществлён привод или задержание Ш., т.к. в обоих случаях подлежит применению ч. 4 ст. 50 УПК РФ, в соответствии с которой установлен процессуальный срок – 24 часа с момента фактического задержания – для принятия решения о назначении защитника в случае неявки приглашённого защитника, а также право следователя в случае отказа от назначенного защитника в определённых законом случаях провести следственные действия с участием подозреваемого, обвиняемого без участия защитника. Указанный срок к моменту

совершения следственных действий – допросу в качестве подозреваемого Ш. и проведению с его участием очной ставки – не истёк.

Указанные требования уголовно-процессуального закона с учётом правовой позиции Конституционного суда РФ, выраженной в его Постановлении от 17.07.2019 № 28-П, получили своё отражение также в решениях Совета ФПА РФ, а именно – в Решении Совета ФПА РФ «О двойной защите» (в редакции решения от 28.11.2019), Рекомендациях Совета ФПА РФ об обеспечении непрерывности защиты по назначению (утверждены решением от 28.11.2019), а также в Стандарте осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2017), содержание которых было приведено выше.

Совет АП СПб посчитал, что Ш. был введён адвокатом Р. в заблуждение по вопросу обеспечения следователем участия адвоката по соглашению в связи с заявленным им ходатайством об этом, сроках явки приглашенного защитника и последствиях их несоблюдения. Это привело к тому, что при допросе в качестве подозреваемого Ш. не заявил прямо отказ от защитника по назначению, но, тем не менее, заявлял, что готов давать показания только с участием приглашённого им защитника – адвоката А.; желал воспользоваться ст. 51 Конституции РФ, заявляя, что *«более мне пояснить нечего»*.

Однако следователем был поставлен вопрос о признании подозреваемым факта оскорбления и совершения угрозы насилием в отношении сотрудника полиции, на который, согласно протоколу, был получен ответ: *«Нет, не признаю»*.

При этом участвующим в допросе адвокатом Р. не было заявлено возражение на действия следователя, которые Совет и Квалифкомиссия рассматривают как его (следователя) ухищрение с целью создания условий для проведения очной ставки без обеспечения надлежащей защиты со стороны защитника, избранного самим подозреваемым. Ответ на этот вопрос Ш. без предварительной консультации с защитником позволил следователю в тот же день провести очную ставку с участием Ш., защитника по назначению и сотрудника полиции, в ходе которой сотрудник полиции дал изобличающие показания в отношении подозреваемого. Сам подозреваемый на очной ставке отказывался от дачи показаний со словами: *«...без присутствия адвоката А. давать показания не желаю»*. Присутствующий при проведении очной ставки защитник по назначению вопросов, возражений или ходатайств не заявлял.

Доказанными посчитали также доводы о том, что адвокат Р. не пытался выяснить отношение к предъявленному подозрению, не разъяснил доверителю его права, не предложил пообщаться наедине. Об этом свидетельствовали крайне незначительное время, прошедшее с момента распределения заявки адвокату (в 16:08 час.), до начала допроса (в 16:20 час.). Таким образом, суммарное время на оформление ордера, явку адвоката к следователю и предварительную беседу с доверителем составило всего 12 минут, что явно недостаточно для изучения защитником постановления о возбуждении уголовного дела, выяснения позиции доверителя и его честной и добросовестной консультации перед допросом.

Адвокату вынесено предупреждение, а копия решения направлена в Комиссию по назначению для обсуждения и принятия мер в соответствии с ее полномочиями.

ЗАПИСКА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПОБЕГА

На адвоката Л. через Минюст подал жалобу и.о. руководителя следственного отдела, который сообщил, что в следственном кабинете ИВС в обстановке конфиденциальности П. передал своему адвокату Л. записку, адресованную неустановленному лицу, с просьбой организовать побег П. из-под стражи: *«А. товарищ привет ситуация обостряется, надо 2 человек готовить с инструментом и меня здесь вытаскивать, сможешь?»*. Попытку адвоката вынести указанную записку за пределы ИВС пресекли сотрудники изолятора, изъяли записку. Следователь уверен, что адвокат *«забыла, что закон и нравственность в*

профессии адвоката выше воли доверителя», а её действия порочат честь и достоинство адвоката, умаляют авторитет адвокатуры.

Адвокат поясняла ситуацию так: при общении в следственном кабинете ИВС с подзащитным последний попросил у неё бумагу, чтобы изложить свою позицию по делу. В этот момент она готовила правовую позицию на постановление о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока содержания П. под стражей, рассмотрение которого было назначено на этот же день. Что писал П., она не отслеживала, вопросов по написанию своей позиции П. ей не задавал и не советовался. В связи с дефицитом времени она не успела прочитать написанный П. на листе бумаги текст, собрала документы, в том числе лист бумаги, на котором её подзащитный, как она полагала, изложил свою позицию по уголовному делу, и вышла из следственного кабинета.

В кабинете сотрудников ИВС, куда она зашла забрать свои личные вещи и документы, сотрудник попросил предъявить документ, который ей был предан П. Нисколько не сомневаясь, что там изложена правовая позиция её подзащитного П. по делу, она добровольно передала лист сотруднику ИВС. На его вопрос, прочитала ли она текст документа, она ответила отрицательно, и только после этого она прочитала текст записей П. вместе с сотрудниками ИВС.

При этом адвокат заметила, что протокол об изъятии у неё листа с текстом не составлялся, её объяснений по этому поводу никто не потребовал. Если бы текст письма был ей известен, то она отказалась бы взять данный документ у своего подзащитного, и, более того, даже *«проконсультировала бы П. о правовых последствиях написанного им текста»*. Адвокат заявила, что осуществление видеозаписи общения адвоката с его доверителем является нарушением, в связи с чем должностные лица, установившие камеру в следственном кабинете ИВС и осуществлявшие видеонаблюдение, нарушили конституционное право обвиняемого на защиту. Такое видеонаблюдение она считает нарушением конфиденциальности свиданий подзащитного с адвокатом.

Комиссия посчитала нарушенными подп. 4 п. 1 ст. 6 Закона об адвокатуре, п. 1 ст. 10, п. 2 ст. 5 КПЭА.

Адвокат Л., являясь защитником П., в помещении следственного кабинета ИВС в обстановке конфиденциальности, действуя в нарушение положений п.п. 84 и 85 Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, утверждённых приказом МВД России от 22.11.2005 № 950 (ред. от 27.05.2021), получила от доверителя записку, адресованную неустановленному лицу; записка П. у адвоката Л. была изъята.

Факт передачи записки подтверждался копией протокола допроса сотрудника дежурной группы режима ИВС, допрошенного в качестве свидетеля. По факту изъятия записки у адвоката составлен рапорт.

Адвокат Л., получив в условиях конфиденциальной встречи со своим подзащитным рукописное письмо от него, обязана была ознакомиться с его текстом и убедиться, что переданный ей текст не является перепиской, которая в соответствии с действующим законодательством может быть осуществлена только через администрацию ИВС.

Адвокат Л., являясь профессиональным участником уголовного судопроизводства, не могла этого не знать и не понимать, и обязана была исходить из этого.

Действия адвоката привели (или могли привести) к подрыву доверия как к самому адвокату, так и к адвокатуре в целом, что противоречит положениям п. 2 ст. 5 КПЭА.

Формальное, на первый взгляд, нарушение усугубляется содержанием переданной адвокату записки. В ней речь недвусмысленно идёт о подготовке побега из мест лишения свободы. Ссылка адвоката на то, что она не читала содержание записки, лишь подчеркивает её непрофессионализм, поскольку её подзащитный П. ранее был судим за попытку побега и за нападение на сотрудника спецучреждения, о чём Л. должна была узнать при ознакомлении с материалами дела и данными о личности подзащитного.

Адвокату вынесено предупреждение.

ЗАМЕЧАНИЕ

На адвоката Я. пожаловался его доверитель Г., который был признан виновным по ч. 2 ст. 228 УК РФ с наказанием в виде пяти лет лишения свободы. Осужденный был взят под стражу в зале суда и затем помещён в СИЗО-6. В суде его защитником по соглашению был адвокат Я.

Г. после вынесения приговора и осознания того, что приговор его не устраивает, стал предпринимать попытки связаться с защитником, чтобы тот посетил его в СИЗО-6, но безуспешно, хотя его просьбы *«доходили до адвоката»*.

Г. ожидал назначения апелляционного рассмотрения, однако *«был расстроен и возмущён»* когда узнал, что адвокат без его *«согласия и разрешения отменил ранее поданную апелляцию»*, тем самым лишив Я. возможности на защиту и *«шанса на уменьшение срока приговора»*, а сроки апелляционной жалобы были пропущены.

Адвокат Я. пояснил, что соглашение на апелляционное обжалование между ним и Г. не было заключено; такое соглашение было заключено с супругой Г., но было расторгнуто по её инициативе. Адвокат предоставил письменное заявление супруги, в котором она просит отозвать апелляционную жалобу и указывает, что отзыв апелляции вызван её личным решением.

В своих пояснениях адвокат указывал, что Г. вменялась *«очень серьезная ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, но благодаря эффективной защите адвоката в суде, деяние было квалифицировано по ч. 2 ст. 228 УК РФ с более благоприятным исходом»*, а апелляционная жалоба подавалась *«из тактических соображений защиты»*, защитник сообщил *«о принятии решения об отказе от апелляционного обжалования в интересах самого доверителя, исходя из принципа «не навреди»»*. Доверитель после вынесения приговора был чрезвычайно рад избежать наказания за сбыт и не намеревался его обжаловать, при этом *«писать любого рода заявления он отказался»*.

Я. полагал, что при рассмотрении приговора в апелляционной инстанции *«вынесение более сурового приговора имеет чрезвычайно высокую вероятность»*. Адвокат считал, что доверитель, не будучи юристом, добросовестно заблуждается в том, что адвокат вредил его интересам.

К своим объяснениям адвокат приложил копию протокола судебного заседания, в котором в прениях заявил, что считает возможным переквалификацию действий подзащитного и просит суд применить положения ст. 73 УК РФ в связи с тем, что подзащитный никогда не привлекался ни к уголовной, ни к административной ответственности, поэтому ему необходимо дать шанс на исправление и *«не лишать свободы»*.

Адвокат добавил, что, находясь на карантине в СИЗО-6, доверитель *«не желал встречи и не предпринимал никаких мер для встречи с адвокатом, и посещение Г. было ограничено пребыванием на карантине»*. Адвокатом предоставлена копия постановления судьи, которым осужденному отказано в восстановлении процессуального срока подачи апелляционной жалобы на приговор.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии нарушение адвоката выразилось в том, что, осуществляя на основании соглашения во защиту Г., адвокат Я., действуя вопреки воле доверителя, отозвал ранее поданную им апелляционную жалобу, при этом адвокат Я. был обязан обжаловать приговор, т.к. суд не разделил его позицию о назначении наказания с применением положений статьи 73 УК РФ, то есть условно, а назначил наказание, связанное с реальным лишением свободы; письменного отказа подзащитного от обжалования приговора не имелось.

Не имеет значения для оценки действий адвоката, что у него не имелось соглашения на апелляционное обжалование непосредственно с заявителем. Адвокат был обязан согласовать позицию об отзыве апелляционной жалобы непосредственно с осужденным как

со своим доверителем, посетив подзащитного в СИЗО. Карантинные меры, соблюдаемые в том числе и в СИЗО-6, не являются для адвокатов препятствием к посещению своих подзащитных, а лишь предъявляют определенные требования к соблюдению санитарных норм при таком посещении.

Адвокат указал, что опасался возможного ухудшения положения осуждённого в апелляционной инстанции. Но это было бы возможно только в случае подачи прокурором апелляционного представления на приговор суда; однако о подаче такового адвокат ничего не сообщил, а на сайте суда не было сведений о подаче прокуратурой апелляционного представления.

Отказ подзащитного от обжалования приговора фиксируется его письменным заявлением адвокату (п. 4 ст. 13 КПЭА).

В силу подп. 3 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре, адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самооговора доверителя.

Согласно п. 16 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве защитник обжалует в апелляционном порядке приговор суда при наличии к тому оснований, за исключением случая, когда подзащитный в письменном виде отказался от обжалования приговора.

Действия доверителя, который самостоятельно подал свою апелляционную жалобу за пределами срока обжалования, свидетельствовали о наличии воли осужденного на такое обжалование, которая не была принята во внимание защитником при отзыве из суда своей апелляционной жалобы.

Адвокату объявлено замечание.

Гражданин Н. был удивлен, узнав, что его интересы по целым трем жалобам представляет адвокат С., и подал жалобу на самого адвоката. Он заключил договор об оказании юридических услуг с ООО, необходимо было сопровождение заявления о преступлении. Впоследствии он узнал, что от его имени в Смольнинский районный суд Санкт-Петербурга были поданы три жалобы по обжалованию действий (бездействия) и решений должностных лиц, все они подписаны адвокатом С.

Но Н. не давал согласия на уступку прав и обязанностей по договору, не заключал с адвокатом соглашения, не подписывал жалобы и не выдавал доверенности, а адрес расположения офиса адвоката С. совпадает с адресами места нахождения двух организаций, которые занимаются деятельностью по обману потребителей, о чём свидетельствуют многочисленные судебные дела о защите прав потребителей. В числе этих организаций и ООО – сторона в их договоре об оказании юридических услуг.

Адвокат сообщила, что заключила соглашение с ООО в качестве субисполнителя по договорам с Н. Она должна была представлять интересы Н. на стадии предварительной проверки правоохранительными органами до принятия решения в порядке ст.ст. 144-145 УПК РФ с подготовкой и подачей необходимых документов; подготовкой заявления в налоговую инспекцию по обжалованию административного штрафа, а также представлять интересы Н. в суде первой инстанции с подготовкой и подачей необходимых документов.

Адвокат утверждает, что неоднократно встречалась с Н. для согласования правовых позиций, выработки линии защиты, совместного выезда в правоохранительные органы.

После поступления в Смольнинский районный суд Санкт-Петербурга заявления Н. о том, что он не уполномочивал адвоката на подачу жалобы, последняя приостановила оказание юридических услуг в качестве субисполнителя.

По мнению Квалифкомиссии адвокат в этой ситуации нарушила подп. «б» п. 4 «Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве», п. 1,2,4 ст. 25 Закона об адвокатуре, ст. 5, п. 1, подп. 6 п. 1 ст. 9 КПЭА

Адвокат С. без заключения соглашения об оказании юридической помощи с Н., без одобрения им своей кандидатуры в качестве юридического поверенного, без согласования с ним и без его одобрения своих действий подала в интересах Н. в Смольнинский районный суд Санкт-Петербурга три жалобы, тем самым фактически навязав свою помощь доверителю.

Утверждения адвоката о том, что она встречалась с доверителем и подготовила многочисленные процессуальные документы, не подтвердились. Переписка с Н. в WhatsApp тоже вызвала сомнение, поскольку сам Н. ее не признал.

Совет не согласился с Комиссией только в одном: ею было признано нарушение адвокатом положений ст. 25 Закона об адвокатуре, выразившееся в безосновательном оказании юридической помощи в отсутствие соглашения между адвокатом и доверителем. Кроме этого, оказание юридических услуг (правовой помощи) Н., в отсутствие заключённого соглашения между ними, Квалифкомиссия оценила как осуществлённое адвокатом вне рамок адвокатской деятельности, т.е. в нарушение положений п. 3 ст. 9 КПЭА.

Между тем, в соответствии с п. 2 ст. 25 Закона об адвокатуре соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю **или назначенному им лицу**³.

Соглашение на оказание юридической помощи Н. было заключено между адвокатом С. и ООО, т.е. в терминологии Закона об адвокатуре Н. выступал в качестве назначенного ООО лица, которому адвокатом должна была оказать юридическую помощь. При таких обстоятельствах нельзя утверждать, что юридическая помощь Н. оказывалась адвокатом в отсутствие заключённого соглашения, т.е. безосновательно, а также вне рамок адвокатской деятельности.

Кроме этого, Квалифкомиссией было признано нарушение адвокатом С. положений подп. 1 и 2 п. 1 ст. 9 КПЭА. Однако не указано, какие именно действия адвоката не соответствовали законным интересам Н. и не его воле; в чём именно не совпала позиция по делу адвоката и доверителя; не привела доказательств того, что, оказывая Н. юридическую помощь, адвокат руководствовалась соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находилась под воздействием давления извне.

Наконец, Квалифкомиссией было признано нарушение адвокатом положений ст. 5 КПЭА. Однако, в каких именно действиях (бездействии) адвоката выразились эти нарушения, из Заключения Квалифкомиссии понять невозможно.

Между тем, в силу действия общеправовых принципов, конкретность и определённость обвинения являются необходимыми условиями любого правоприменительного акта, обеспечивающими право обвиняемого на защиту, поскольку от неконкретного и неопределённого обвинения защита невозможна.

Поэтому Совет АП СПб исключил указанные нарушения из общего объёма дисциплинарного обвинения и объявил адвокату замечание.

Жалоба на адвоката К. поступила от ее доверителей. Адвокат оказывала им помощь по сопровождению заключения предварительного договора купли-продажи, составлению и подаче искового заявления об обязании заключить основной договор, но соглашение было заключено только перед первым судебным заседанием. Спустя полмесяца доверители получили по почте от адвоката К. уведомление об одностороннем расторжении соглашения.

До получения уведомления адвокату было выплачено 23 500 руб., из которых 5 000 руб. были внесены в кассу адвокатского образования. Кроме того, по утверждению

³ Выделено Советом АП СПб.

заявителей, для оформления межевания приобретаемого участка адвокату было передано 14 000 руб., при этом фактически адвокат заплатила 13 000 руб.

Доверители уверены, что адвокат К. некачественно оказала им юридическую помощь, что выразилось в пропуске адвокатом срока на заключение основного договора купли-продажи; отказе суда в принятии иска, поданного адвокатом, в связи с подачей не по подсудности; в дальнейшем – в отказе в принятии иска другим судом по той же причине.

Адвокат К. подтвердила, что фактически оказывала юридическую помощь по сопровождению заключения и исполнения предварительного договора купли-продажи недвижимости без заключения соглашения с доверителями, объясняя это тем, что имела намерение впоследствии работать с заявителями по переводу дома из нежилого в жилой и что заявители обратились к ней от знакомых.

Адвокат подтвердила получение от доверителей только 19 500 руб., из которых 900 руб. – оплата госпошлины, 600 руб. – оплата почтовых расходов, 5 000 руб. – оплата по соглашению, а 13 000 руб. – оплата услуг по межеванию. Причиной одностороннего расторжения соглашения явилось отсутствие оплаты, а также перенесение рассмотрения дела в другой суд, что делало участие адвоката физически затруднительным.

Адвокат нарушила п.п. 1 и 2 ст. 25 Закон об адвокатуре и п. 3 ст. 9 КПЭА, поскольку действовала без заключения соглашения и оказывала юридические услуги (правовую помощь) вне рамок адвокатской деятельности.

Адвокату объявлено замечание.

Довод доверителей о том, что одностороннее расторжение адвокатом соглашения является незаконным, не был принят во внимание, поскольку п. 2 ст. 25 Закона об адвокатуре корреспондирует со ст. 977 ГК РФ, в соответствии с которой поверенный (адвокат) вправе в любое время расторгнуть соглашение на оказание правовой помощи доверителю по гражданским делам, предупредив последнего об этом заблаговременно.

М. стала потерпевшей в ДТП, имевшем место в Москве. Она заключила с Г. соглашение на «подачу искового заявления в Перовский районный суд г. Москвы ... на первой стадии», оформила у нотариуса и выдала адвокату доверенность, копию которой он предоставил в ГИБДД.

М. рассчитывала на получение высококвалифицированной юридической помощи, гарантирующей ей максимальную защиту её прав и интересов, как лица, пострадавшего от вышеуказанного ДТП, а в действительности качество оказанной ей адвокатом Г. юридической помощи позволили ей усомниться не только в профессиональных качествах адвоката, но и заподозрить его в сговоре с виновником ДТП.

Адвокат Г. вступил в дело на стадии административного расследования, но не выполнив надлежаще и качественно свои обязанности, затянув время в целях невозможности пересмотра дела, адвокат лишил М. возможности отстоять свои интересы и защитить нарушенные права как потерпевшего.

Иск к страховой компании, поданный адвокатом, оставлен без рассмотрения по причине несоблюдения досудебного порядка. После получения указанного определения адвокат Г. вернул М. 50 000 руб.

В добавок ко всему адвокат не выдал документа о внесении денежных средств в кассу адвокатского образования, не представил свой ордер в ходе защиты, а в соглашении указал только на подачу иска.

Адвокат Г. пояснил, что доверитель сама «поменяла требования к их оказанию, путем повышения перечня предоставляемых услуг, такие как участие при рассмотрении административного материала, подача заявления в страховую, подача жалобы в прокуратуру». Деньги, полученные в качестве авансового платежа, были внесены в кассу и впоследствии возвращены доверителю. Кроме участия в административном расследовании

в ГИБДД он участвовал в суде при рассмотрении административного правонарушения, подавал заявление в страховую о возмещении виновником ДТП причинённого вреда и претензию о несогласии с суммой возмещения, подавал исковое заявление, которое оставлено без рассмотрения.

Адвокатом Г. нарушен подп. 1 ст. 8 КПЭА: он ненадлежаще сформулировал предмет соглашения, не указав на характер спора, на ответчиков по делу (что в данном случае являлось принципиальным), неправильно указал суд, который должен рассматривать иск, т.е. проявил недобросовестность. Отсутствие ясно сформулированного предмета Соглашения об оказании юридической помощи повлекло за собой неправильно сформулированные обращения адвоката в страховую компанию: не были конкретизированы требования, которые можно было бы назвать «претензией», отсутствовали указание на даты этих обращений, отметки об их приёме. Кроме этого, адвокатом при подаче заявления в суд, рассматривающий гражданское дело, не были представлены полученные от страховой компании ответы, что было расценено судом, как несоблюдение досудебного порядка урегулирования спора. Это привело к расторжению доверителем соглашения в одностороннем порядке.

Адвокату объявлено замечание.

Начальник УФИЦ при ФКУ ИК-5 УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области обратился в суд с ходатайством о замене Д. неотбытой части наказания в виде принудительных работ лишением свободы. Сам Д. в судебном заседании участия не принимал и полагает, что адвокат Г. участвовала в судебном заседании при отсутствии согласия самого Д., не согласовала с ним позицию, дала своё согласие на рассмотрение дела в отсутствие Д.; возражения по существу дела выразила формально, тем самым «самовольно устранилась и отказалась» от защиты интересов Д.

Адвокат участвовала в заседании по назначению суда. Д. не был доставлен в суд по медицинским показаниям, то есть по причине карантина и в целях нераспространения ковидной инфекции. Этим адвокат объяснила невозможность встречи с ним и подготовки дополнительной позиции, однако она изучила материалы дела, подготовила свою позицию. В судебном заседании она возражала против рассмотрения дела без Д., но суд принял решение рассматривать. При этом она, как адвокат, в судебном заседании квалифицированно защищала интересы Д. и высказала возражения против удовлетворения представления.

Санкт-Петербургский городской суд постановление нижестоящего суда отменил.

Адвокат Г. нарушила подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре и подп. 1 ст. 8 КПЭА, поскольку не возражала против рассмотрения дела в отсутствие Д., чем было нарушено право последнего на защиту. Таким образом, адвокат Г. проявила недобросовестное отношение к своим профессиональным обязанностям.

В протоколе судебного заседания суда первой инстанции было указано, что Д. был своевременно уведомлен о дате и времени рассмотрения представления ИК-5, но не был доставлен в суд в связи с действующими в учреждении ИК-5 карантинными мерами. Адвокат Г. не возражала против рассмотрения дела в отсутствие Д., поскольку карантинные меры препятствовали его доставке в суд. Замечания на протокол судебного заседания адвокат не подавала и правильность фиксирования в протоколе судебного заседания её позиции относительно возможного рассмотрения дела без личного участия подзащитного адвокат не оспаривала, но при этом возражала против удовлетворения представления.

Д. подал апелляционную жалобу в Санкт-Петербургский городской суд. Апелляционным определением постановление было отменено в связи с тем, что Д. не участвовал в суде первой инстанции; суд рассмотрел дело без доставки Д. и без проведения видеоконференц-связи. Этим было нарушено право осужденного на защиту. Таким

образом, суд подтвердил обоснованность доводов Д. о нарушении его прав при участии в заседании адвоката Г.

Адвокату объявлено замечание, а решение направлено в Комиссию по назначению.

ЖАЛОБА АДВОКАТА НА АДВОКАТА

В январе 2022 адвокат К. заключила соглашение на защиту М.

Доверитель сообщила ей, что М. задержан и находится на Шпалерной, 25, а также телефон следователя. Адвокат по телефону сообщила следователю, что является адвокатом М. по соглашению, но следователь не стал с ней разговаривать и повесил трубку. Через АИС «Адвокатура» она узнала, что М. в порядке ст.ст. 50, 51 УПК РФ назначен защитник К1.

Тогда адвокат К. созвонилась с адвокатом К1, сообщила, что является защитником М. по соглашению, просила не проводить с ним никаких следственных действий без её участия и сообщить следователю, что имеется адвокат по соглашению, который готов прибыть для участия в следственных действиях через 15 минут. Прибыв по указанному адресу, она направила следователю через мессенджер фото ордера и удостоверения адвоката, а также сообщение, что ожидает в помещении дежурной части. Такое же сообщение она направила коллеге – адвокату К1, который не ответил. Спустя время появился адвокат К1 и сообщил, что участвовал в допросе М., который от дачи показаний отказался.

К. указывает, что к моменту участия адвоката К1 в допросе подозреваемого ему было известно о наличии адвоката по соглашению. Также в ходе допроса подозреваемый ответил на один вопрос следователя, хотя до этого отказался от дачи показаний.

Адвокат К1 сообщил, что через АИС «Адвокатура» ему поступила заявка на защиту М. Процессуальные действия должны были проходить с 11 часов в помещении Следственной службы УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. На момент прибытия М. был уже задержан, и предстоял его допрос в качестве подозреваемого. Расследование проводилось следственной группой Следственного департамента МВД РФ.

Перед началом допроса подзащитный рассказал, что после задержания ему был предоставлено право на один телефонный звонок, в ходе которого он сообщил своей матери о задержании и просил её заключить соглашение с адвокатом. Будет ли заключено соглашение, а также сведения о предполагаемом адвокате М. не знал. На момент начала допроса и составления протокола допроса ни подозреваемому, ни защитнику не было известно о наличии адвоката по соглашению. По просьбе подзащитного его желание давать показания только с защитником по соглашению было отражено в протоколе, и показания не давались.

Комиссия посчитала, что адвокатом К1 допущено нарушение требований подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре, подп. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 КПЭА, п. 1 Решения Совета ФПА РФ «О двойной защите» от 27.09.2013, п. 3 ст. 10.2 Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного решением Совета ФПА РФ от 15.03.2019, подп. «б» п. 6 раздела 5 этого же Порядка.

Нарушение выразилось в том, что, вступив в уголовное дело по назначению следователя, адвокат К1, зная о наличии у М. защитника по соглашению, не разъяснил подзащитному процессуальный порядок отказа от адвоката по назначению и необходимость составить письменное заявление об отказе от защитника по назначению, а также не написал самостоятельное ходатайство следователю об отложении допроса подозреваемого до явки защитника по соглашению в пределах процессуального срока, предусмотренного положениями части 2 статьи 46 УПК РФ; не предпринял каких-либо попыток связаться с родственниками М. и узнать у них о наличии соглашения с адвокатом, о данных адвоката по соглашению и о номере телефона адвоката; несмотря на желание

доверителя воспользоваться помощью защитника по соглашению, принял участие в допросе М. в качестве подозреваемого, допустив при этом ответ подзащитного на вопрос следователя по существу дела.

Адвокат К., с которой родственники М. заключили соглашение на его защиту, сразу после заключения соглашения с 12 час. 18 мин. до 13 час. 06 мин. несколько раз звонила следователю. Это подтверждалось распечатками с телефона, предоставленными адвокатом.

В первом и единственном телефонном разговоре К. сообщила следователю о наличии у неё соглашения и о своей готовности приехать к месту проведения следственных действий через 15 минут, после чего следователь прервал разговор и более на телефонные звонки К. не отвечал.

Кроме того, в этот же день в 12 час. 44 мин. адвокат К. звонила в колл-центр АП СПб, чтобы уточнить, кому именно из адвокатов передали заявку на защиту М. После этого в 12 час. 47 мин. она позвонила адвокату по назначению К1 и сообщила ему, что она является адвокатом по соглашению и готова участвовать в следственных действиях через несколько минут, попросила передать эту информацию следователю. Эти факты также подтверждаются распечатками с телефона, предоставленными адвокатом К.

Допрос подозреваемого М., как записано в протоколе допроса, начался в 12 час. 50 мин. И адвокат К1 имел все законные основания и реальную возможность не участвовать в допросе подозреваемого.

Однако адвокат К1 информацию, полученную от адвоката К., проигнорировал; не сделал никаких заявлений следователю об отложении допроса подозреваемого до явки адвоката по соглашению в разумные сроки; от участия в допросе подозреваемого не отказался; более того, после заявления М. о том, что он намерен давать показания только в присутствии адвоката по соглашению, адвокат К1 допустил ответ подзащитного на вопрос следователя по существу дела. Никаких замечаний по поводу отсутствия при допросе адвоката по соглашению и о том, что она не допущена следователем к защите несмотря на имеющееся соглашение, адвокат К1 в протоколе допроса не сделал.

Также адвокат К. несколько раз обращалась по телефону к дежурному прокурору Санкт-Петербурга, звонила и направляла сообщение через интернет-приёмную в дежурную часть УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, звонила по телефону полномочных представителей АП СПб, что также подтверждалось распечатками с телефона адвоката К.

Около 19 час. 00 мин. в приемную УФСБ РФ по СПб и ЛО приезжал полномочный представитель АП СПб, который до 21 час. 10 мин. находился там вместе с адвокатом К., которой в этот день так и не предоставили возможности пообщаться с подзащитным.

Указанные обстоятельства подтвердил и руководитель группы полномочных представителей АП СПб адвокат Чангли А.И., который также выезжал в приёмную УФСБ РФ по СПб и ЛО.

Адвокату К1 объявлено замечание, а решение направлено в Комиссию по назначению.

НЕТ НАРУШЕНИЙ

Следователь через Главное управление Минюста России по СПб и ЛО пожаловался на неоднократные, без уважительных причин неявки адвоката Б. для ознакомления в порядке ст. 217 УПК РФ с материалами уголовного дела в отношении К., которого адвокат защищает наряду с иными коллегами.

От обвиняемого поступило ходатайство о дальнейшем его ознакомлении с материалами дела совместно с защитником Б., о чём последний был уведомлен следователем, но в течение двух недель не являлся в СИЗО-1, а явившись, немотивированно отказался от ознакомления с предъявленными документами.

Аналогичным образом адвокат без уважительных причин неоднократно уклонялся от явки в СИЗО-1 в последующем, а явившись вновь отказался от ознакомления.

Отказ от ознакомления адвокат обосновал желанием знакомиться с конкретными материалами уголовного дела, ранее уже предоставленными его доверителю. Между тем обвиняемый ходатайств о повторном ознакомлении с ними не заявлял.

Данные действия (бездействие) адвоката Б. повлекли за собой ежедневный отказ обвиняемого от ознакомления с материалами уголовного дела, так как он желает знакомиться с делом совместно с адвокатом.

Следователь считает, что нарушаются права обвиняемого на защиту в разумные сроки уголовного судопроизводства.

Адвокат назвал изложенное несоответствующим действительности. Следователь умышленно ввёл руководство ГУ МЮ РФ по СПб и ЛО в заблуждение относительно поведения адвоката и подследственного. Так, уведомление от следователя о необходимости участия адвоката в следственных действиях было получено адвокатом спустя несколько недель после указанной следователем даты. До получения этого уведомления адвокат не связывался со следователем для согласования действий; после получения уведомления адвокат ставил следствие в известность о своей занятости в других делах для согласования дат и времени ознакомления с материалами дела.

Адвокату и подзащитному систематически представлялись для ознакомления не те тома дела, которые были «заказаны» адвокатом, в связи с чем адвокатом и подзащитным было подано около двадцати ходатайств о предоставлении нужных для изучения томов дела.

Адвокат пояснил, что предъявленные материалы дела не всегда были пронумерованы. Адвокатом представлены доказательства того, что в некоторые из дней, когда он, по мнению следствия, пытался затянуть сроки ознакомления с материалами дела, он исполнял свои профессиональные обязанности. О своей невозможности явиться для ознакомления с материалами дела адвокат уведомлял следствие. Кроме того, представлены документы о том, что в период антиковидных мероприятий адвокат был в изоляции, и другие доказательства, подтверждающие доводы адвоката о его невиновности.

Согласно ст. 217 УПК РФ по окончании следственных действий у следователя возникает процессуальная обязанность предоставить стороне защиты возможность без ограничения по времени ознакомиться с материалами уголовного дела, а у стороны защиты возникает корреспондирующее ей процессуальное право ознакомиться с материалами дела в порядке, избранном стороной защиты (раздельно или совместно), а после окончания ознакомления подписать соответствующий протокол процессуального действия.

При этом, в силу положений ч. 2 ст. 217 УПК РФ, в процессе ознакомления с материалами дела, состоящего из нескольких томов, обвиняемый и его защитник вправе повторно обращаться к любому из томов уголовного дела, а также выписывать любые сведения и в любом объёме, снимать копии с документов, в т.ч. с помощью технических средств.

Обвиняемый и его защитник не могут ограничиваться во времени, необходимом им для ознакомления с материалами уголовного дела. К обязанностям стороны защиты можно отнести лишь то, что данное ознакомление следует производить в разумное время, без затягивания времени.

Уголовно-процессуальным кодексом предусмотрено, что в случае, если обвиняемый и его защитник, явно затягивают время ознакомления с материалами уголовного дела, то на основании судебного решения устанавливается срок для ознакомления. В случае, если обвиняемый и его защитник без уважительных причин не ознакомились с материалами уголовного дела в установленный судом срок, следователь вправе принять решение об окончании производства данного процессуального действия, о чём выносит соответствующее постановление и делает отметку в протоколе (ч. 3 ст. 217 УПК РФ).

Именно такое ограничение во времени ознакомления с материалами и будет являться санкцией за допущенное стороной защиты процессуальное нарушение в виде явного затягивания времени ознакомления.

Действительно, квалифицированное оказание адвокатом-защитником юридической помощи по уголовному делу, как это предписано подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре и подп. 1 ст. 8 КПЭА, невозможно без его ознакомления со всеми материалами уголовного дела и предполагает честное, разумное, добросовестное и своевременное исполнение адвокатом указанной обязанности. Однако, поскольку приведённые нормы имеют объектом своей охраны права и интересы доверителя, то только ему (доверителю), находящемуся в фидуциарных договорных отношениях с адвокатом, и предоставлено право оценивать качество исполнения адвокатом этой обязанности.

Сам адвокат Б. категорически отрицал ненадлежащее оказание им юридической помощи доверителю, а со стороны доверителя никаких жалоб о затягивании ознакомления или отказа от помощи доверителю не поступало.

Из представления ГУ МЮ РФ по СПб и ЛО и приложенных к нему документов следовало, что защитником на основании п. 8 ч. 1 ст. 53 УПК РФ заявлялись следователю ходатайства в интересах обвиняемого для реализации его прав, предусмотренных п.п. 5, 8, 12 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, а именно о повторном ознакомлении обвиняемого с конкретными томами дела совместно с его защитником, что прямо предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством РФ.

Следователь необоснованно возражал против ознакомления защитника совместно с доверителем с конкретными томами уголовного дела, т.е. действовал вопреки закону и его истолкованиям, данным в решениях Конституционного суда РФ (п. 2 Определения КС РФ от 16.07.2015 №1615-О, п. 2 Определения КС РФ от 19.12.2017 № 2820-О), препятствуя тем самым реализации прав защиты.

Дисциплинарное производство в отношении адвоката Б. было прекращено вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушений.

Адвокат И. обязался представлять интересы С. в Арбитражном суде Санкт-Петербурга и Ленинградской области по обособленному спору в деле о банкротстве по заявлению финансового управляющего об оспаривании сделки и применении последствий недействительности сделки; вознаграждение было определено сторонами в размере 20 000 руб.; иных поручений адвокату не давалось.

С. уверена, что адвокатская деятельность И. по представлению его интересов в арбитражном суде некомпетентна, недобросовестна, осуществлена с нарушением Закона об адвокатуре и КПЭА. Это привело к нарушению его прав, прямым убыткам в размере более 600 тыс. руб. По мнению заявителя, это выразилось в том, что адвокат И. не уведомила заявителя о необходимости выдать доверенность на представление интересов; не реализовала процессуальные права заявителя на представление и истребование доказательств; не ходатайствовала о проведении экспертизы по определению рыночной стоимости жилого дома; не предложила доверителям провести экспертизу; не разъяснила о необходимости представления иных доказательств по делу; не ходатайствовала о вызове свидетелей, ограничившись приобщением документов, названных «показания свидетелей»; не приобщила все переданные адвокату документы.

Адвокат в нарушение условий соглашения требовала дополнительную оплату своих услуг в размере 15 000 руб. за подготовку проекта судебного акта АС СПб и ЛО, входящих в предмет данного соглашения, ввела доверителя в заблуждение, что повлекло дополнительные убытки.

Адвокатом были предприняты действия по подаче апелляционной жалобы от имени доверителя без заключения соглашения и согласования, что могло привести к возврату

жалобы; не приложила документы и не получила доверенности; подала жалобу, не соответствующую требованиям АПК РФ к содержанию и порядку подачи жалобы; ходатайство об отсрочке государственной пошлины не мотивировала; адвокат не согласовывала свои действия с доверителем.

Адвокат потребовала оплатить оказанные без поручения некомпетентные услуги по не заключенному соглашению на подачу апелляционной жалобы, а также возмещению не понесенных расходов по направлению почтовой корреспонденции.

Адвокат пояснила, что действовала в суде первой инстанции на основании соглашения, при этом неоднократно запрашивала у доверителей документы, в том числе отчет об оценке, но делать отчет отказалась. Заседание неоднократно переносилось по причине того, что суд первой инстанции давал шанс её доверителю представить дополнительные документы. Однако на её запрос доверитель отвечала, что адвокат должна всё делать и всё истребовать сама. Суд первой инстанции попросил подготовить проект судебного акта, который не входил в перечень документов, оговоренных соглашением, но доверитель желал, чтобы его подготовила адвокат, поэтому последняя установила цену, а доверитель согласился, но соглашение не подписала, аргументируя, что ей далеко ехать. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении их требований, адвокат предложила обратиться в апелляцию, доверитель согласился, перечислив адвокату деньги, однако опять же уклонилась от подписания соглашения, говоря, что ей далеко ехать.

После молодой человек доверительницы начал звонить адвокату и угрожать привлечением к уголовной ответственности, если она не выиграет дело. Она изначально говорила, что гарантию результата не даёт, но будет делать всё возможное. Их этот ответ не устроил, после чего ею было принято решение о расторжении с ними соглашения. Адвокат передала доверителям оригиналы документов, но подписывать акт приема-передачи и уведомление о расторжении доверитель отказалась, поэтому документы были направлены почтой.

Соглашения действительно не были подписаны сторонами, однако стороны признавали содержание соглашений, исполненных в письменном виде, и считали эти соглашения заключёнными. Даже при отсутствии под соглашениями подписи доверителей они являются реальными, поскольку доверители приложили копии этих соглашений к жалобам, считают их заключёнными и ссылаются на них как на доказательства своей правоты. Вознаграждение доверителями внесено. Объяснения же адвоката об уклонении доверителя от подписания соглашений ничем не опровергались и подтверждались электронной перепиской сторон.

Адвокат нарушила правила определения подсудности и требования, предъявляемые к исковому заявлению гражданским процессуальным законодательством, но причиной данных нарушений явилась неконструктивная позиция доверителя, считавшего, что сбор всех документов и сведений по ДТП является обязанностью адвоката, и, как следствие, не предоставившего этих сведений адвокату. Об этом свидетельствовала электронная переписка между сторонами.

Адвокату И. в этой ситуации в упрек следует поставить недостаток принципиальности и требовательности к выполнению обязанностей самим доверителем; однако это не может быть поставлено ей в вину в качестве дисциплинарного нарушения.

Другие претензии доверителей к адвокату сводятся к обвинению её в некомпетентности: не уведомила о необходимости выдать доверенность; не представляла и не истребовала доказательства; не ходатайствовала о проведении экспертизы по определению рыночной стоимости жилого дома; не ходатайствовала о вызове свидетелей, ограничившись приобщением документов, названных «показания свидетелей»; не приобщила все переданные адвокату документы.

Однако доверители ничем не доказали очевидную необходимость совершения таких действий со стороны адвоката, поскольку они (эти действия) не относятся к категории юридически обязательных, а являются инструментом тактики, избранной адвокатом исходя

из своего профессионального опыта. Выбор доверителем адвоката для представления собственных интересов и заключение с ним соглашения является актом свободного волеизъявления и несёт с собой риски, связанные с особенностями личности и профессиональным уровнем поверенного.

Таким образом, свобода использования адвокатом приёмов и способов выполнения принятого поручения (при условии соблюдения им требований, обязательных с точки зрения нормативных актов, регулирующих его профессиональную деятельность) не может быть предметом дисциплинарного регулирования, так как относится исключительно к компетенции самого адвоката.

Остальные претензии доверителей – требование адвокатом дополнительной оплаты своих услуг; действия по подаче апелляционной жалобы от имени доверителя без заключения соглашения; требование возмещения не понесенных расходов по направлению почтовой корреспонденции – не нашли подтверждения в ходе рассмотрения дисциплинарного производства. Кроме того, указанные действия по своему содержанию не свидетельствуют о нарушении адвокатом норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Дело прекращено вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений.

Ш. жалуется, что адвокат К. его защиту по уголовному делу не осуществляла, не участвовала ни в одном следственном действии и не посещала в следственном изоляторе. Более того, она выписала ордер без заключения соглашения и осуществляла защиту КХ, которая в рамках дела является свидетелем обвинения.

Адвокат К. пояснила, что между адвокатами К. и К1 было заключено соглашение в пользу КХ и Ш. Соглашение предусматривало оказание юридической помощи на стадии предварительного расследования непосредственно КХ, которая имела процессуальный статус свидетеля, а также обвиняемому по ч. 3 п. «а» ст. 158 УК РФ Ш.

Адвокатами определено, что К. осуществляет защиту обвиняемого Ш., а адвокат К1 оказывает юридическую помощь непосредственно КХ.

Дополнительно адвокат К., ссылаясь на положения ч. 6 ст. 49 УПК РФ и ст. 11 КПЭА, пояснила, что адвокаты ввиду прямого указания закона, а также наличия противоречия интересов обвиняемого и свидетеля обвинения, не имели права одновременно вдвоём защищать обвиняемого и свидетеля; КХ была чётко проконсультирована по данному вопросу, ей была в полной мере разъяснена тактика адвокатов по делу, она её поняла и приняла, согласившись с ней. До момента окончания предварительного расследования претензий относительно исполнения поручения от КХ не поступало.

По мнению адвоката К., из буквального толкования текста условий соглашения следовало, что сделкой не предусмотрено одновременное участие двух адвокатов в качестве защитников на стороне исключительно обвиняемого Ш.

Квалифкомиссия обнаружила нарушения в действиях К., которое выразилось в том, что, заключив совместно с адвокатом К1 соглашение об оказании юридической помощи с КХ (в том числе в пользу третьего лица – Ш.), адвокат К. сформулировала предмет поручения внутренне противоречиво и неопределенно, чем создала предпосылки для возникновения недопонимания между адвокатом и доверителем Ш. В частности, предмет соглашения был сформулирован таким образом, что позволял Ш. рассчитывать на получение юридической помощи в виде защиты по уголовному делу непосредственно от адвоката К. В действительности этого не произошло, что привело к возникновению конфликта между доверителем и адвокатом.

В соответствии с предметом соглашения адвокат принимала к исполнению поручение Доверителя об оказании юридической помощи:

- Ш. по уголовному делу на стадии предварительного расследования;
- непосредственно Доверителю по уголовному делу на стадии предварительного расследования, привлечённому на дату заключения настоящего соглашения в качестве свидетеля.

Квалифкомиссия на основе анализа предмета поручения пришла к выводу, что адвокатами К. и К1 изначально были заложены внутренние противоречия и неопределенность в отношениях с доверителями – Ш. и КХ, чем были созданы предпосылки для возникновения недопонимания между адвокатом и доверителями.

Со ссылкой на положения подп. 1 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Закона об адвокатуре Квалифкомиссия отметила, что обязанность по четкому и недвусмысленному формулированию предмета поручения в соглашении об оказании юридической помощи от лежала на адвокате К.

Совет АП СПб согласился с Комиссией, что квалифицированное исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем, предусмотренное подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре и п. 1 ст. 8 КПЭА предполагает добросовестное исполнение адвокатом предмета договора в интересах лица, которому оказывается юридическая помощь.

Между тем, приходя к заключению о наличии в действиях адвоката К. дисциплинарного проступка, выразившегося в некорректном формулировании адвокатом предмета поручения, Квалифкомиссия не учла, что подобных дисциплинарных обвинений доверителем не выдвигалось и в жалобе не содержалось.

В соответствии с п. 4 ст. 23 КПЭА разбирательство в комиссии осуществляется в пределах тех требований и по тем основаниям, которые изложены в жалобе, представлении, обращении. Изменение предмета и (или) основания жалобы, представления, обращения не допускается.

Совет АП СПб пришел к выводу, что при рассмотрении дисциплинарного производства Квалифкомиссия вышла за пределы жалобы Ш., чего делать была не вправе.

Квалифкомиссия также указала, что из согласованного адвокатом К. с КХ и необходимого для разрешения возникшего у него правового вопроса предмета поручения (с учётом всей совокупности фактических обстоятельств) следует, что адвокат К. приняла к исполнению поручение КХ об оказании юридической помощи Ш. по уголовному делу на стадии предварительного расследования.

Комиссия критически отнеслась к доводам адвоката К., что она представляла интересы только КХ.

Комиссия опиралась на объяснения самого адвоката, в которых указывается, что *«она осуществляла действия, направленные на защиту заявителя, в том числе получение стороной защиты дополнительных доказательств по уголовному делу, подготовка и юридическое сопровождение при совершении нотариальных действий у нотариуса при оформлении документов на внесение или передачу денежных средств в размере 500 000 рублей в качестве залога; ведение личных переговоров и непосредственное участие в урегулировании вопроса о возмещении от имени обвиняемого материального ущерба потерпевшему»*.

Не соглашаясь с этими выводами, адвокат К. отметила, что в ходе исполнения соглашения она оказывала юридическую помощь именно КХ; эта помощь была связана с консультированием по вопросам возмещения ущерба потерпевшему по уголовному делу и внесением залога на депозит нотариуса, в чём доверитель КХ имела свой собственный интерес; в силу положений действующего законодательства и наличия конфликта интересов между КХ и Ш., осуществлять защиту последнего по уголовному делу адвокат К. возможности не имела.

Совет АП СПб нашел эти доводы адвоката К. заслуживающими внимания и посчитал, что приведённая адвокатом К. позиция не опровергнута, а убедительных аргументов в поддержку выводов Квалифкомиссии в этой части в заключении не приведено.

Дело в отношении адвоката К. прекращено за отсутствием нарушений.

На адвоката О. поступила жалоба от судьи, в процессе которой адвокат принимала участие в качестве защитника одного из восьми подсудимых.

В судебном заседании 18.02.2022 суд согласовал с защитниками дату следующего судебного заседания – 24.02.2022. При этом суд кроме адвоката по соглашению пригласил в судебное заседание ещё и адвоката по назначению в соответствии со ст. 50 УПК РФ.

24.02.2022 адвокат О. в судебное заседание не явилась; при этом 22.02.2022 направила в суд ходатайство об отложении судебного заседания в связи с занятостью в ином судебном заседании. Подсудимый К. 24.02.2022 отказался от адвоката по назначению ввиду того, что у него есть адвокат по соглашению; в связи с этим судебное заседание было отложено на март, адвокат явилась, а суд вынес постановление, признав «недобросовестным использованием правомочий на обеспечение права обвиняемого К. на защиту по основаниям преднамеренного затягивания судебного разбирательства». Также судья указал, что адвокат О. не ознакомилась с материалами уголовного дела в полном объёме.

Кроме того, судья считал, что адвокат О. в ходе судебного процесса в марте неоднократно допускала нарушение порядка в судебном заседании, выразившееся «в перебивании председательствующего, высказывании суждений, носящих признаки давления на суд с целью принятия необходимых адвокату решений, вступления в пререкания с председательствующим, а также с сотрудниками конвойной службы, игнорирования неоднократных предупреждений о недопустимости такого поведения, неподчинении распоряжениям председательствующего».

Летом от судьи поступили дополнения к обращению, в которых судья указал на направление рапорта заместителя командира 2-го взвода 2-ой роты 3-го батальона ПО и КПиО ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области и видеозаписей с камер видеонаблюдения зала, отражающих действия адвоката.

По мнению судьи, адвокат О. в судебном заседании предприняла попытку получения от подсудимого К. и дальнейшего сокрытия пакета с документами.

Адвокат О. сообщила, что вступила в данное уголовное дело 25.01.2021, однако 28 января, а также в феврале судебные заседания не состоялись по причине болезни судьи и других участников процесса. Фактически первое судебное заседание с участием О. состоялось 18.02.2022. От коллег, участвующих в рассмотрении дела, О. узнала, что суд назначает судебные заседания по делу на пятницы. 18.02.2022 по окончании судебного заседания судья объявил следующую дату заседания – 24.03.2022; однако это был четверг и на эту дату у О. было назначено другое судебное заседание. На попытку О. возразить о согласованности этой даты судья объявил, что судебное заседание окончено и даты согласованы заранее, что не соответствовало действительности.

Также на 24.02.2022 судья вызвал всем обвиняемым адвокатов в порядке статьи 51 УПК РФ.

22.02.2022 О. отправила на сайт суда ходатайство об отложении судебного разбирательства в связи с её занятостью в ранее согласованном судебном заседании другого суда.

24.02.2022 в судебном заседании подсудимый К. отказался от услуг адвоката, приглашённого в порядке ст. 51 УПК РФ в связи с тем, что у него имеется адвокат по соглашению О. Суд перенёс судебное заседание на 10.03.2022.

10.03.2022 в судебное заседание явились адвокаты по соглашению, в том числе и О., а также и адвокаты, вызванные судом в порядке ст. 51 УПК РФ.

В этом судебном заседании суд вынес на обсуждение вопрос о злоупотреблении адвокатом О. своими правами в связи с её отсутствием в судебном заседании 24.02.2022, а также в связи с ознакомлением ею лишь с 4 томами уголовного дела, то есть не в полном объёме.

При выяснении позиции подсудимого К. тот заявил, что он передал адвокату О. в полном объёме материалы уголовного дела, имеющиеся у него после выполнения требований ст. 217 УПК РФ; никаких претензий к адвокату О. он не имеет. Также К. высказал своё несогласие с постановлением, вынесенным судом относительно адвоката О.

Адвокат О. в течение двух месяцев не могла получить у судьи текст постановления от 24.02.2022; при этом при заявлении ходатайства о вручении текста постановления судья позволял себе грубость в отношении адвоката.

В соответствии с текстом постановления судьи от 10.03.2022 адвокат О. обжаловала это постановление, но 01.04.2022 судья вынес другое постановление об изменении постановления от 10.03.2022 в части возможности его обжалования.

В части «незаконной передачи» ей подсудимым К. каких-либо документов адвокат О. пояснила, что с согласия сотрудников, конвоирующих её подзащитного, получила от К. только процессуальные документы; ничего незаконного от своего подзащитного не получала.

Адвокат О. считает, что обращение судьи связано с его личным предвзятым отношением к ней, в том числе и в связи с неоднократными обращениями адвоката О. в вышестоящие судебные инстанции с жалобами на судью и с намерением судьи исключить адвоката О. из числа защитников по делу.

Квалифкомиссия отметила важное обстоятельство: что постановления суда от 10.03.2022 и от 01.04.2022 не содержали сведений о фактах ненадлежащего поведения в судебных заседаниях или нарушении требований судебного регламента со стороны адвоката О. В тексте протоколов судебного заседания, приложенных к обращению судьи, никаких нарушений тоже не было.

Квалифкомиссия заметила, что в обращении судьи не было указано, в чём именно заключались «суждения» адвоката, «носящие признаки давления на суд с целью принятия необходимых данному адвокату решений»; не указано, каким образом и по какому поводу адвокат «вступала в пререкания с председательствующим, а также с сотрудниками конвойной службы»; каким именно распоряжениям председательствующего она не подчинилась.

В протоколах содержались сведения об объявлении адвокату О. замечания в ответ на реплику адвоката о том, что *«судье придётся объясняться в Квалификационной коллегии судей»*. Также суд разъяснял положения статьи 258 УПК РФ.

Сам по себе факт объявления замечания адвокату не может рассматриваться как доказательство обоснованности выдвинутых против неё дисциплинарных обвинений в отсутствие указаний на конкретные действия адвоката, которые должны были бы стать предметом оценки со стороны дисциплинарных органов адвокатской палаты.

Конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении, исходя из презумпции добросовестности адвоката при осуществлении им своих полномочий.

Адвокат может (и должен) проявлять активность в отстаивании интересов доверителя, и такая активность адвоката не всегда устраивает председательствующего; однако это не может свидетельствовать о нарушении адвокатом норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая КПЭА, поскольку такие способы реализации

адвокатом-защитником процессуальных прав предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством.

Вопрос о способе и объёме ознакомления адвоката с материалами уголовного дела не относится к компетенции суда, а определяется адвокатом по согласованию с подзащитным. Со стороны К. – подзащитного адвоката О. – претензий или жалоб на действия адвоката, в том числе и по ознакомлению с материалами уголовного дела, не имелось, о чём он неоднократно заявлял в судебном заседании, и это зафиксировано в протоколе.

Подтверждений того, что адвокат О. во время перерыва в судебном заседании получала от своего подзащитного или передавала ему какие-либо запрещённые законом предметы, в деле тоже не было.

Дело прекращено.

Б. проходил службу в воинской части в Псковской области. Для оказания ему юридической помощи его мать заключила соглашение с адвокатом С. При первоначальном общении в устной форме с адвокатом они договорились о выезде адвоката в воинскую часть к месту прохождения службы, но в тексте соглашения это указано не было. Мать неоднократно просила адвоката С. съездить в воинскую часть, чтобы непосредственно там на месте защищать интересы Б., но адвокат не выезжал и консультации давал в разговорах по телефону или в переписке в социальных сетях.

Мать отметила, что *«если бы адвокат изначально предупредил, что его выезд к доверителю невозможен, она не стала бы заключать с ним соглашение»*. Адвокат хоть и направлял в различные инстанции жалобы, но они не принесли ожидаемых результатов.

Адвокатом был направлен адвокатский запрос о предоставлении выписок из приказов, ответ поступил, однако в это время Б. уже проходил службу в другой воинской части.

Адвокат допустил *«перевод на срочную службу»* Б. и не предпринимал никаких действий для *«разрешения сложившейся ситуации, кроме отправления жалоб»*, тем самым адвокат ввёл в заблуждение маму, так как *«одним из предметов соглашения стало оставление военнотружущаго по месту постоянной дислокации»*.

Адвокат сообщила, что предметом соглашения являлись устные консультации по применению нормативно-правовых актов, относящихся к прохождению воинской службы, *«по вопросам оставления военнотружущаго Б. в месте постоянной дислокации в/ч в Псковской области»*, а также составление заявлений и жалоб по данному вопросу. Адвокат провел не менее 22-х консультаций в WhatsApp и по телефону, составил и подал адвокатский запрос и жалобы в защиту Б. в различные государственные органы. Кроме того, адвокат составлял тексты жалоб, рапортов и обращений от имени Б.

Соглашение не предусматривало обязательного выезда адвоката по месту службы Б. и консультирование его непосредственно в Псковской области.

Доверитель обратилась к адвокату с претензией о возврате денежных средств, однако адвокат посчитал, что исполнил соглашение в полном объёме. Для выполнения предмета соглашения он неоднократно связывался с командованием воинской части, направлял запросы и жалобы, в том числе в военную прокуратуру. Удалось избежать возбуждения уголовного дела, поэтому никаких доследственных мероприятий и следственных действий в отношении Б. не проводилось; следовательно, ездить в распоряжение воинской части у адвоката не было необходимости. Оставить Б. для прохождения службы в месте постоянной дислокации его воинской части было невозможно, поскольку командование расторгло с ним контракт, он был призван на срочную службу и направлен к месту её прохождения.

В ходе разбирательства было установлено, что соглашение было подписано матерью без каких-либо замечаний и возражений относительно предмета.

Доводы жалобы по существу сводились к тому, что адвокат С. не указал в тексте соглашения своей обязанности выезжать в воинскую часть во Псковскую область, хоть в

устной беседе это условие оговаривалось; соответственно, адвокат ни разу не выехал для личного представления интересов военнослужащего Б.; также адвокат своими жалобами и обращениями не смог добиться того результата, которого ожидала заявитель.

Оценивая эту позицию, было отмечено, что соглашение действительно не предусматривало обязательного выезда адвоката по месту нахождения воинской части, как не содержало и не могло содержать гарантий достижения определенного результата.

Претензии заявителя к адвокату, связанные с неудовлетворенностью рассмотрения направленных адвокатом жалоб, не могут являться основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, поскольку адвокат выступает только представителем интересов доверителя (или третьего лица, в интересах которого заключено соглашение об оказании юридической помощи) но не может обеспечить принятие государственными органами конкретных решений к выгоде своих доверителей.

В соответствии с п. 1 ст. 2 Закона об адвокатуре, адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам.

Совершение адвокатом каких-либо конкретных действий, как и содержание доводов составленных им жалоб и заявлений, относятся к выбранной адвокатом тактике оказания юридической помощи, которая, если и может быть регламентирована, то лишь специальными условиями соглашения с доверителем.

Претензии заявителя, касающиеся оценки результатов действий адвоката при исполнении им условий подписанного доверителем соглашения, не могут быть предметом рассмотрения в рамках дисциплинарного производства.

Жалоба не содержит доводов о таких нарушениях адвоката, как пропуск процессуальных сроков, совершение адвокатом действий вопреки интересам доверителя либо совершение действий, хоть и в интересах доверителя, но не основанных на нормах действующего законодательства.

Адвокатом С. проведена значительная работа по соглашению, а дело было прекращено ввиду отсутствия нарушений.

Обвиняемый и адвокат во время свидания в СИЗО обменялись листами бумаги с рукописными записями, что стало причиной для жалобы начальника учреждения в Главное управление Министерства юстиции РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Во время свидания адвоката Ф. и ее доверителя, содержащегося в СИЗО, сотрудники дежурной смены по видеоконтролю увидели, как обвиняемый Б. сделал рукописные записи на листах, переданных ему адвокатом. Впоследствии листы с записями обвиняемый передал защитнику, которая вложила их в файл с другими документами и вынесла за пределы СИЗО. Помимо этих листов Б. передал адвокату еще один лист бумаги с рукописными записями, а адвокат Ф. приняла его, укрыла в своих документах и также вынесла за пределы следственного изолятора, в свою очередь адвокат передала обвиняемому документ, который Б. поместил в свои бумаги и оставил у себя.

Эти действия адвоката начальник СИЗО расценил как не соответствующие требованиям ст. 20 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»; п. 84 Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, утвержденных приказом МВД России от 22.11.2005 № 950; требованиям подп. 1 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре и п. 1 ст. 10 и п.п. 2 и 3 ст. 5 КПЭА.

В представлении Минюста, поданном в палату содержалась ссылка на ч. 2 ст. 45 Конституции РФ: каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. В соответствии с этой конституционной гарантией адвокат, оказывая квалифицированную юридическую помощь, вправе и обязан осуществлять защиту прав и законных интересов доверителя также всеми не запрещенными законом

способами и средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре, п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, ч. 2 ст. 8 КПЭА). Таким образом, свобода адвоката в выборе средств и способов защиты императивно ограничена критерием их законности. Данному требованию корреспондирует установленное п. 1 ст. 10 КПЭА правило, согласно которому закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Начальник СИЗО также ссылаясь на правовую позицию Конституционного суда РФ, изложенную им в Постановлении от 29.11.2010 № 20-П «По делу о проверке конституционности положений статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в связи с жалобами граждан Д.Р.Барановского, Ю.Н.Волохонского и И.В.Плотникова» о порядке цензуры переписки между адвокатом и его доверителем – подозреваемым, обвиняемым, содержащимся под стражей.

В представлении указывалось, что «передачу обвиняемым листов с собственноручными записями нельзя расценить как способ конфиденциального общения адвоката со своим доверителем, поскольку полученные от Б. листы бумаги с записями адвокатом не были возвращены обвиняемому в следственном кабинете, а были вынесены ею из помещений СИЗО. Тем самым содержащимся под стражей обвиняемым была осуществлена передача защитнику, а ею получена и передана корреспонденция (письменных текстов, изложенных на бумаге) в нарушение порядка, установленного законом».

Приняв от Б. листы с собственноручными записями обвиняемого и вынося их за пределы СИЗО, а также передав обвиняемому отдельный документ, адвокат нарушила требования подп. 1 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре и п. 1 ст. 10 КПЭА.

Адвокат Ф., не соглашаясь с начальником СИЗО, сообщила, что посещала Б. не менее 2-3 раз в неделю, с первого дня, когда она прибыла в СИЗО, на её устную просьбу передать Б. копию апелляционной жалобы, направленной ею на постановление об избрании меры пресечения, сотрудники администрации ответили отказом, поскольку эти документы могут быть направлены исключительно почтой и должны подвергаться обязательной цензуре. Полагая, что некоторые сотрудники СИЗО заблуждаются и неверно толкуют распоряжения начальника, она записалась на прием к начальнику, который при встрече подтвердил сказанное сотрудниками изолятора, объяснив позицию тем, что документы могут содержать план побега, в связи с чем их необходимо с сопроводительным письмом передавать через спецчасть. Адвокат попросила указать норму закона, которая предусматривает обязательную цензуру документов, исходящих от адвоката подзащитному, но начальник учреждения такие нормы не привёл. Несмотря на то, что данные требования и цензура переписки с адвокатом существенно нарушают право на защиту, а также право осуществлять адвокатскую деятельность в предусмотренном законом порядке, она согласилась передавать документы через спецчасть, поскольку оспаривание незаконных действий начальника СИЗО существенно затягивало сроки ознакомления Б. с документами. При этом начальник указал, что при наличии сопроводительного письма Б. получит все документы в день передачи их в спецчасть.

В следующий приход адвокат подготовила сопроводительное письмо к передаваемым документам, однако в спецчасти у неё документы не приняли, сообщив, что документы она должна передать после встречи с Б. сопровождающему его лицу из числа сотрудников СИЗО.

К следующему визиту адвокат вновь подготовила сопроводительное письмо к документам, которые намеревалась передать Б., однако, учитывая все предыдущие пояснения сотрудников и начальника СИЗО, была убеждена, что в этот раз документы – две апелляционные жалобы и копии протоколов допросов, очных ставок и иных процессуальных документов, а также Федеральных законов РФ – точно передадут. Поскольку она торопилась, все документы для передачи она решила сложить в присутствии Б. в следственном кабинете, выяснив у него, какие документы ему нужны, а какие нет.

Она ознакомила Б. с документами, подготовленными для передачи, в том числе с апелляционными жалобами; он сообщил, что намерен подать дополнения к апелляционной жалобе. В ходе свидания в следственном кабинете она обменивалась документами с Б. для ознакомления; в том числе Б. передал ей для ознакомления постановление начальника СИЗО об одиночном содержании, чтобы подать соответствующую жалобу. Она действовала исключительно с целью оказать квалифицированную юридическую помощь своему подзащитному в условиях систематического неисполнения сотрудниками своих обязанностей по обеспечению конфиденциальности.

Все документы, с которыми она ознакомила Б., были впоследствии возвращены ей; в свою очередь, она также вернула Б. его документы; попросила, чтобы он приложил постановление об одиночном содержании к дополнительной апелляционной жалобе, поскольку Б. помещён в СИЗО, очевидно, с целью оказания на него давления, применения к нему пыток, разновидностью которых является одиночное содержание более одних суток. До настоящего времени Б. содержится в одиночной камере, от следствия поступают угрозы и требования заключить досудебное соглашение; дополнительная апелляционная жалоба в Санкт-Петербургский городской суд до рассмотрения апелляционной жалобы так и не поступила.

Перед тем, как завершить свидание с Б., адвокат неоднократно проверяла документы, опасаясь, что могла перепутать и забрать лишнее в связи с большим количеством листов, однако ничего запрещённого не обнаружила.

После того, как Б. увели из следственного кабинета, ей запретили выходить и произвели ее личный досмотр, в ходе которого адвокат высказала просьбу передать подготовленные процессуальные документы Б., однако, уже после остановки видеозаписи, сотрудники СИЗО ответили отказом, сообщив, что с этого дня все документы могут направляться исключительно почтой и подвергаться цензуре; от адвокатов никакие документы для заключённых не принимаются.

На следующий день адвокат вновь обратилась в спецчасть и к сотрудникам изолятора с требованием принять у неё документы с сопроводительным письмом и передать их Б., но документы у неё не приняли, указав, что в СИЗО установлен запрет на передачу таких документов адвокатом подзащитному через администрацию учреждения.

Адвокат указала, что нарушением права на конфиденциальное общение с адвокатом является осуществление видеозаписи, позволяющей знакомиться с содержанием документов. На видеозаписи из камер видеонаблюдения в следственном кабинете СИЗО отчётливо видны три документа с синей печатью, содержащиеся в папке; приблизив документ, можно ознакомиться и с его содержанием.

В то же время, ссылаясь на видео как на доказательство неких действий, начальник СИЗО представляет видео, содержащее явные признаки монтажа: запись то прерывается, то восстанавливается – и так не один раз. Ни у адвоката, ни у Б. не обнаружены документы, которые были переданы в ходе свидания ею подзащитному либо подзащитным ей.

Адвокат была уверена, что обращение начальника было ни чем иным, как попыткой оказать давление на адвоката с целью воспрепятствования законной адвокатской деятельности, поскольку в связи с этими нарушениями она обратилась в СИЗО с письменной претензией, указав на допущенные нарушения; ответ на претензию не получен до настоящего времени.

В результате указанных действий все последующие жалобы, которые должны были исходить от Б., адвокатом направлялись самостоятельно с письменным обоснованием причины, по которой жалобы подписаны адвокатом, например, в Генеральную прокуратуру РФ, в СК России и т.д.

Относительно направления письменных документов для подзащитного посредством почтовой связи, предложенного сотрудниками СИЗО как единственно возможного способа оказания юридической помощи по подготовке документов, адвокат уверена, что данное требование противоречит УПК РФ, Конституции РФ и Закону об адвокатуре, поскольку

затрудняет доступ к правосудию, ограничивает право на защиту и существенно увеличивает срок получения обвиняемым документов, в том числе необходимых для обжалования постановления суда о продлении срока содержания под стражей, на которое УПК РФ отведено трое суток.

Впоследствии адвокат была отведена от участия в уголовном деле на основании постановления следователя, в связи с чем не были обжалованы незаконные действия и бездействие начальника СИЗО, но все же направила по почте доверителю Б. копии апелляционных жалоб; указанные документы были получены учреждением, но не переданы Б.

Закон о содержании под стражей в статье 18 предусматривает, что подозреваемым и обвиняемым предоставляются конфиденциальные свидания с защитником. Данная статья не запрещает защитнику и клиенту делать записи во время таких свиданий и обмениваться документами. Свидания подозреваемого или обвиняемого с его защитником могут иметь место в условиях, позволяющих сотруднику места содержания под стражей видеть их, но не слышать; свидание немедленно прерывается в случае попытки передачи подозреваемому или обвиняемому «запрещенных к хранению и использованию предметов, веществ и продуктов питания», однако проекты жалоб, ходатайств и заявлений, подготовленные защитником, к таковым не относятся.

Статья 20 Закона о содержании под стражей предусматривает, что вся переписка подозреваемых и обвиняемых осуществляется только через администрацию места содержания под стражей и подвергается цензуре.

Администрация места содержания под стражей вправе вскрывать и просматривать корреспонденцию. Корреспонденция, адресованная прокурору, в суд, Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, в Европейский Суд по правам человека, цензуре не подлежит.

Статья 34 Закона о содержании под стражей предусматривает, что «при наличии достаточных оснований подозревать лиц в попытке проноса запрещенных предметов, веществ (или) продуктов питания сотрудники мест содержания под стражей вправе производить досмотр вещей и одежды, изъятие предметов, веществ и продуктов питания, запрещенных к хранению и использованию подозреваемыми и обвиняемыми».

Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утверждённые приказом № 189 Министерства юстиции от 14.10.2005, также не содержат нормы, запрещающей адвокатам передавать подзащитным письменные документы, проекты жалоб, заявлений и ходатайств; не требуется и разрешения администрации следственного изолятора на передачу процессуальных документов защитником для обвиняемого.

Положения статей 20 и 21 Закона о содержании под стражей в части, регулирующей осуществление администрацией мест содержания под стражей цензуры переписки подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, со своими адвокатами (защитниками), были предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации (Постановление КС РФ от 29.11.2010 № 20-П).

Основываясь на требованиях Конституции РФ, вытекающих в том числе из её статей 23 и 48 о праве каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, на получение квалифицированной юридической помощи и на помощь адвоката (защитника) с момента задержания или заключения под стражу, общепризнанных принципах и нормах международного права, в частности, статьях 14 и 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также статьях 6 и 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их истолковании Европейским Судом по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации пришёл к выводу, что цензура переписки лица, заключенного под стражу, со своим адвокатом (защитником) возможна лишь в случаях, когда у администрации следственного изолятора есть разумные основания предполагать наличие в

переписке недозволенных вложений либо имеется обоснованное подозрение в том, что адвокат злоупотребляет своей привилегией на адвокатскую тайну или что такая переписка ставит под угрозу безопасность следственного изолятора либо носит какой-либо иной противоправный характер.

Признавая взаимосвязанные положения статей 20 и 21 Закона о содержании под стражей в их конституционно-правовом смысле в системе действующего правового регулирования не противоречащими Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации исходил, в частности, из того, что право заключённого под стражу лица на конфиденциальный характер отношений со своим адвокатом (защитником) как неотъемлемая часть права на получение квалифицированной юридической помощи не является абсолютным, однако его ограничения допустимы лишь при условии их адекватности и соразмерности и могут быть оправданы лишь необходимостью обеспечения указанных в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации целей защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Определяя границы возможного вмешательства в переписку лиц, содержащихся под стражей, со своими адвокатами (защитниками), Конституционный Суд Российской Федерации учитывал также, что в статье 20 Закона о содержании под стражей предусматривается цензура всей корреспонденции подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, без разграничения категорий, например таких как личная переписка и переписка с адвокатом, и что такая форма цензуры, которая практически дает администрации следственного изолятора право на неизбирательный и постоянный контроль над их корреспонденцией, несовместима со статьёй 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Общее правило заключается в том, что переписка адвоката с клиентом является привилегированной и не подлежит цензуре. Любое отступление от этого правила допустимо только при исключительных обстоятельствах, когда имеются веские основания полагать, что адвокат и/или его клиент злоупотребляют правилом конфиденциальности. Кроме того, Конституционный Суд указал, что администрация следственного изолятора должна иметь «достаточные и разумные основания полагать», что переписка имеет незаконное содержание, и она может проверить эту переписку только в присутствии заинтересованных лиц и на основании письменного мотивированного решения. Практика же ознакомления администрации следственного изолятора со всеми документами, которыми обмениваются заключенный и его защита, без обоснования предшествующими злоупотреблениями этой привилегией является избыточным и произвольным посягательством на права защиты.

Комиссия и Совет изучили файл видеофиксации задержания адвоката в следственном кабинете по окончанию свидания и осмотра её документов, содержащийся на приложенном к представлению органа юстиции диске. На записи видно, что адвокат предъявила для осмотра папку красного цвета, из которой ею ранее доставались документы для их обсуждения и корректировки с доверителем и возвращались обратно в ту же папку красного цвета по окончании свидания. В папку также было вложено сопроводительное письмо адвоката с ходатайством о передаче документов доверителю через спецчасть.

Согласно видеозаписи недозволенных вложений, в том числе рукописных материалов, якобы переданных в ходе свидания обвиняемым своему защитнику, при осмотре сотрудниками учреждения содержимого папки не было выявлено, документы в папке были приняты сотрудниками для последующей передачи обвиняемому. Однако, согласно письменным объяснениям адвоката, после окончания видеозаписи папка была возвращена адвокату без изъятия каких-либо документов с комментариями сотрудников о том, что «с этого дня все документы могут направляться исключительно Почтой России и подвергаться цензуре».

При оценке представленных органом юстиции доказательств Квалифкомиссия исходила из того, что, согласно общепринятым толкованиям, переписка (фр. *correspondance*) – это общение посредством писем, то есть, опосредованно, с участием в процессе общения «посредника», через которого передается информация, в том числе в этом качестве может выступать спецчасть ФКУ УФСИН. А конфиденциальное общение (свидание) адвоката с подзащитным является непосредственным контактом между ними и может носить как вербальный, так и письменный (в т.ч. для повышения уровня конфиденциальности) характер, включая предоставление друг другу проектов процессуальных документов, а также непосредственная их правка сторонами.

В деле отсутствовали относимые, допустимые и достоверные доказательства изложенных в представлении обстоятельств нарушения адвокатом Закона об адвокатуре и КПЭА: в ходе свидания адвокат обсуждала со своим доверителем подготовленные ею проекты жалоб, которые при необходимости корректировались в ходе обсуждения.

Совет и Комиссия критически отнеслись к изложенному в представлении органа юстиции доводу, о том, что адвокат совершила нарушение требований законодательства об адвокатской деятельности и КПЭА умышленно, и полагали, что адвокат действовала честно и добросовестно в условиях крайней необходимости с целью своевременного обжалования принятых судебных актов, которые, по мнению защитника и его доверителя, ущемляют права и свободы последнего.

Квалифкомиссия отметила важное обстоятельство, что переданный примерно в 15:52:22 час. в ходе коммуникации документ был возвращён адвокатом своему доверителю примерно в 17:05:25 час. Скриншот видеозаписи камерой со стороны адвоката отчётливо показывает, что возвращённый документ выполнен посредством машинописи и в действительности мог быть письменным решением руководства следственного изолятора об одиночном содержании обвиняемого Б., т.е. документом, указанным адвокатом в ее письменных объяснениях. При выходе из следственного кабинета адвокат вручила папку с документами сотрудникам учреждения для осмотра и последующей передаче их доверителю. Однако последние, просмотрев содержимое папки, не обнаружили в ней недозволенных вложений, а затем вернули её адвокату, отказав в передаче. При этом акт осмотра не составлялся, т.к. не были выявлены нарушения со стороны адвоката.

Органом юстиции не было предоставлено доказательств наличия недозволенных вложений в материалах, находящихся у обвиняемого Б., что свидетельствовало об отсутствии передачи ему адвокатом документов в ходе свидания для их использования вне следственного кабинета.

Требование отдельных сотрудников следственного изолятора о необходимости направления всех материалов, в том числе документов конфиденциального характера, исключительно посредством почтовой связи является избыточным и ущемляет права стороны защиты. Подготовка защитником проектов процессуальных и иных документов в интересах защиты прав и свобод доверителя и их обсуждение с доверителем в ходе конфиденциальной коммуникации (свидания) является сущностной стороной осуществления защиты и находится в полном соответствии со Стандартом осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятым VIII Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2017. Кроме того, указанное требование не учитывает установленные УПК РФ сокращенные сроки обжалования ряда судебных актов, которые не могут быть соблюдены при осуществлении коммуникации защитника-адвоката и его доверителя, содержащегося в следственном изоляторе, посредством почтовой связи.

Толкование отдельными сотрудниками учреждения цитируемого в представлении органа юстиции постановления Конституционного суда РФ № 20-П от 29.11.2010 в части возможности проведения сплошной цензуры переписки (коммуникации в ходе свидания) адвокатов-защитников со своими доверителями не соответствует и даже противоречит конституционно-правовому истолкованию Конституционного Суда, изложенному в резолютивной части его постановления: «Признать взаимосвязанные положения статей 20

и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», регулирующие осуществление администрацией места содержания под стражей цензуры переписки подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, со своими адвокатами (защитниками), не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку, по конституционно-правовому смыслу этих законоположений в системе действующего правового регулирования, цензура переписки лица, заключенного под стражу, со своим адвокатом (защитником) возможна лишь в случаях, когда у администрации следственного изолятора есть разумные основания предполагать наличие в переписке недозволённых вложений (что проверяется только в присутствии самого этого лица) либо имеется обоснованное подозрение в том, что **адвокат злоупотребляет своей привилегией на адвокатскую тайну, что такая переписка ставит под угрозу безопасность следственного изолятора или носит какой-либо иной противоправный характер**; в таких случаях администрация следственного изолятора обязана принять **мотивированное решение об осуществлении цензуры** и письменно зафиксировать ход и результаты соответствующих действий.

В силу статьи 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл положений статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» **является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике».**

Комиссия также справедливо отметила, что требования сотрудников, устанавливающие особый режим коммуникации защитника (адвоката) со своим доверителем в следственном кабинете, аналогичный режиму свиданий с родственниками или иными лицами, не соответствуют принципу 8 Основных принципов, касающихся роли юристов (документ ООН, принят восьмым Конгрессом по предупреждению преступности и обращению с правонарушениями. Гавана, 1990 г.), в соответствии с которым: «Всем арестованным, задержанным или заключённым в тюрьму лицам предоставляются надлежащие возможности, время и условия для посещения юристом, сношения и консультации с ним **без задержки, вмешательства или цензуры и с соблюдением полной конфиденциальности**. Такие консультации могут проводиться в присутствии должностных лиц по поддержанию правопорядка, но без возможности быть услышанными ими».

Кроме того, Совет и Комиссия усмотрели в деле и нарушение требований принципа 18 Свода Основных принципов, в соответствии с которым: «**Юристы не отождествляются со своими клиентами или интересами своих клиентов в результате выполнения ими своих функций**».

Руководителем следственного изолятора было высказано лишь предположение о возможном недобросовестном поведении адвоката, исходя исключительно из того, что она осуществляет защиту Б., обвиняемого в совершении тяжкого преступления: «...такие документы (*имеются в виду документы, подготовленные*) в обязательном порядке должны подвергаться цензуре, поскольку могут содержать план побега». Рассматривая с приведённых позиций высказанное предположение начальника следственного изолятора как основание для цензуры, следует признать его необоснованным.

Требования соблюдения надлежащих условий для незамедлительности и охраны конфиденциальности коммуникации защитника-адвоката со своим доверителем, находящемся под стражей, нашли своё отражение и в Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (приняты Генеральной Ассамблеей ООН 09.12.1988; далее – Свод принципов). Так, согласно принципу 18 Свода принципов: «**Право задержанного или находящегося в заключении лица на его посещение адвокатом, на консультации и на связь с ним, без промедления или цензуры и в условиях полной конфиденциальности, не может быть временно**

отменено или ограничено, кроме исключительных обстоятельств, которые определяются законом или установленными в соответствии с законом правилами, когда, по мнению судебного или иного органа, это необходимо для поддержания безопасности и порядка».

В связи с вышеизложенным Квалифкомиссия заключила, что органом юстиции не предоставлено доказательств наличия таких исключительных обстоятельств, которые указаны в принципе 18 Свода принципов, а также мотивированное решение надлежащего органа.

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре адвокат обязан честно разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами.

Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией полагает, что доводы представления органа юстиции не получили своего подтверждения, а доказательства, предоставленные участниками дисциплинарного производства, не опровергают честность и добросовестность исполнения адвокатом поручения по защите своего доверителя – обвиняемого Б.

Единогласно Совет решил прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката Ф. ввиду отсутствия нарушений.